

ИБРАГИМ ХАРАЕВ

КРОВНАЯ МЕСТЬ

чеченская вендетта

Ибрагим Хараев

**Кровная месть.
Чеченская вендетта**

«Издательские решения»

Хараев И.

Кровная месть. Чеченская вендетта / И. Хараев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854237-4

В центре повествования — история взаимоотношений двух чеченских родов, которые волею судьбы были втянуты в состояние кровной мести, продолжавшейся почти 225 лет. В романе изображены последствия, к которым приводит этот суровый древний обычай, когда в него втягиваются часто случайные и ни в чём не повинные люди, и как жестоко расплачиваются потомки за необдуманные действия своих предков.

ISBN 978-5-44-854237-4

© Хараев И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Руслан Дадиев (2014)	7
Глава 2. Руслан и Бэла	13
Глава 3. Руслан в армии	22
Глава 4. История Азиза	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кровная месть Чеченская вендетта

Ибрагим Хараев

*Всем жертвам, пострадавшим от кровной мести,
посвящается.*

Консультанты: Исмаил Акаев, Мовлид Губзаев, Айна Махтиева, Роман Эльхаджиев.
В книгу включены стихотворения Ахмеда Хаджиева и поэма Шамиля Арбинина.

Редактор Гаухар Хасанова

Редактор Вадим Палонин

Корректор Гаухар Хасанова

Иллюстратор Аслан Бугаев

Дизайнер обложки Валентина Гредина

© Ибрагим Хараев, 2017

© Аслан Бугаев, иллюстрации, 2017

© Валентина Гредина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4237-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорят, что страницы истории обильно политы кровью невинных. Невозможно найти день, когда где-нибудь на Земле не страдал бы праведник и не торжествовал бы злодей, когда

люди не избегали бы правды и не прятались за ложью. Невозможно найти дня, когда бы глупость и жадность не побеждали разум и любовь... Но в итоге правда всё же победит. Потому что правда всегда побеждает. Потому что правда должна победить.

Там, где поток бурлящий мчится
И птицы гордые парят,
Где духом воли лес томится,
И мир свободою объят,
Где в ночи лунные не спится
Горянке в думах обо мне,
Души своей осколок чистый
Оставил в той я стороне.
Моя душа осталась там,
Где ночью, узкою тропею,
Не зная счёт своим шагам,
Блуждал я, гордый, под луною.
И с пылкой страстью воспевал
Свой край родной, седые горы.
И созерцать бы век желал
Отчизны милые просторы...

Кровная месть – месть, обычай, возникший и развившийся в догосударственном обществе как универсальное средство защиты жизни, чести, имущества сородичей (соплеменников). Единый в своей основе, обычай кровной мести существовал в различных вариантах: у одних народов считалось достаточным убить одного из представителей рода обидчика (т. е. не обязательно его самого), у других кровная месть должна была продолжаться до тех пор, пока число жертв с обеих сторон не сравняется, и т. д.

В раннегосударственных обществах кровная месть не была ликвидирована, но была несколько ограничена: суживался круг мстителей и ответчиков, принимались во внимание степень ущерба, пол, возраст, общественное положение объекта мести. Одновременно развивалась система композиций – материального возмещения за ущерб. Например, по саксонским обычаям, кровная месть распространялась только на убийцу и его сыновей; по бургундским – только на самого убийцу, был ограничен и круг лиц, имеющих право мстить; убийство в порядке кровной мести не могло быть совершено, например, в помещении церкви. По Русской правде разрешалось мстить брату за брата, сыну за отца и т. п., при отсутствии таковых назначался штраф (вира); по Салической правде вместо кровной мести выплачивался штраф – вергельд. Как правило, кровная месть запрещалась, если убийство было совершено по неосторожности или случайно. В таком виде кровная месть и композиции удерживались во многих странах и регионах, а в некоторых из них (Албания, Сербия, Южная Италия, Корсика, Япония и др.) дожили до 20 в. В СССР кровная месть и композиции, сохранявшиеся у некоторых народов Кавказа, Средней Азии и др., рассматриваются уголовным законодательством ряда союзных республик как преступления, составляющие пережитки местных обычаев (см., например, УК РСФСР, ст. 102, 231). В СССР кровная месть практически изжита.

(Большая советская энциклопедия. 2012)

Глава 1. Руслан Дадиев (2014)

Возможно ли словами передать
Любовь, печаль и боль отца?..
Младенца-первенца, едва начав ласкать,
Внезапно потерять! Во сне юнца
Он видел часто много лет,
И если же он жив, да не померкнет свет,
Пока он сына не обнимет...
И скорбь его да не покинет,
И веки вечные готов он ждать,
Лишь чадо бы к груди прижать...
Но жив ли сын, погиб ли в детстве,
Тяжелый рок, украден он,
От мук душевных нет поныне средства,
Ты жив, но будто погребён...

Прошло шестнадцать лет с того дня, когда Руслан понял, что жизнь – вещь хрупкая. Он смотрел через окно своего офиса на Тверской и видел, как люди суетливо спешат куда-то, расталкивая друг друга. Вот уже несколько лет он жил в этой сутолоке с надеждой найти ответ на вопрос: почему украли его единственного сына? От этих мыслей сжималось сердце, сын снился ему каждую ночь. Руслан видел, как он подрастал, как ему исполнилось три года, четыре, пять лет. Вчера он увидел его во сне семнадцатилетним парнем. Уже подростком, не таким, как шестнадцать лет назад, теперь он улыбался и выглядел вполне рассудительным. Руслан во сне что-то советовал сыну, боясь, что Микаил может допустить какую-нибудь оплошность. Проснувшись среди ночи, он осознал, что это сон и сына нет рядом, и ему вдруг захотелось завывать, как волк...

После долгих раздумий он всё-таки решил пойти к психологу. Войдя в кабинет, он увидел женщину лет шестидесяти. Руслан внимательно рассматривал её, интуитивно чувствуя, что ей можно довериться.

- Я вас слушаю, молодой человек.
- Доктор, у меня есть одна проблема... – начал Руслан.
- Иначе бы вы не пришли сюда, – сказала она, улыбаясь. – Как вас зовут?
- Руслан.
- Хорошо, расскажите мне всё по порядку.

...Их разговор продолжался более двух часов. Ему хотелось рассказать всё, что он чувствовал, что пережил за эти годы. Иногда Руслан останавливался и спрашивал, не отнимает ли он её время. Она отвечала, что ему нужно всё выговорить, даже если это займёт два дня, а потом она даст свои рекомендации.

- Доктор, я хочу избавиться от этих снов, – сказал Руслан.

Она ответила не сразу, и, когда она заговорила, было заметно, как дрожит её голос:

– Я знаю, что такое потерять сына. У меня был единственный сын, которого я любила, как и вы своего. Он разбился на мотоцикле. Я много лет видела его во снах, и всё это время он был словно жив для меня. Потом эти сны прекратились. Я готова была на всё, лишь бы он снова начал мне сниться. Но этого не произошло. И тогда я поняла, что его больше нет. Если бы вы пришли ко мне и сказали, что сын перестал вам сниться, я бы попыталась вернуть его в ваши сновидения. А сейчас я уверена – ваш сын найдется живым и невредимым.

Руслан упал на колени, обнял её, прижавшись головой к её груди – так, как он прижимался к матери, и неожиданно для себя назвал её мамой.

Выпустить эмоции, всё, что наболело, – всегда было важно. Именно сдерживаемые эмоции чаще всего становились для людей причиной множества проблем. Однако теперь, прижимая к себе Руслана, она вдруг подумала, что становится пациентом сама, почувствовала, что не хочет отпускать этого малознакомого, в общем-то, человека, и хочет продолжать эту игру, так, будто у неё есть сын, а может, когда-нибудь будут и внуки. Будто для неё ещё не всё потеряно...

«Но реальность в том, что всё потеряно», – думала она, механически передвигая карты пасьянса «Косынки», когда Руслан ушёл.

А на следующий день он ей позвонил:

– Простите, – сказал он. – Я просто подумал... Я мог бы чем-нибудь помочь вам по дому?.. Может, отремонтировать что-нибудь?.. Я понимаю, это звучит странно, просто я хочу что-нибудь сделать для вас. Всё что угодно. Просто я не могу забыть тот момент, когда назвал вас «мамой». Мне хочется как-то продлить это ощущение.

Эта просьба явно не входила в перечень обычных врачебных практик Лидии Николаевны.

– Но я не ваша мать... – в замешательстве сказала она.

– У меня большой дом! Хотите, я вас к себе перевезу?..

– Но... я не ваша мать, – она повторила это скорее самой себе, с какой-то упорной обречённостью.

– Да... – повисла тишина. – Вы правы. Простите, что я так набросился на вас... Вы правы.

– Нет-нет, подождите, – спохватилась она вдруг...

Лидия Андреевна редко звонила Руслану, когда он был на работе. Иногда она посылала ему сообщения, спрашивая: «Как ты, сынок?». С радостью готовила ему ужин, и они проводили вечера в долгих застольных беседах.

Как-то у Руслана были назначены важные переговоры с руководителями дочерней нефтяной компании из Сибири, и он попросил секретаршу не беспокоить его в ближайшие три часа. Встреча только началась, когда он получил сообщение от Лидии Андреевны: «Русик, срочно позвони мне». Тон сообщения встревожил его.

Он сразу перезвонил:

– Мам, что случилось? Ты в порядке?

– Сынок, я смотрела передачу американского телевидения, там показывали семью чеченских эмигрантов. Там был мальчик... Руслан, в общем, я успела записать чуть-чуть и отправила тебе на электронную почту. Мне кажется...

В этот момент сердце Руслана учащённо забилося, он почувствовал, что задыхается. Забыв обо всём, он бросился к компьютеру. На видеозаписи он увидел человека, который похитил его самого шестнадцать лет назад. Потом камера показала его сына. Это был Микаил, такой, каким предстал ему во сне прошлой ночью.

Руслан почувствовал, что теряет сознание, а когда открыл глаза, увидел над собой капельницу и суеящихся вокруг медсестер. Он понял, что попал в больницу.

– Сынок... – услышал он голос Лидии Андреевны: – ...Прости меня, я хотела...

Руслан не дал ей договорить:

– Мама, это он. Он жив. Остальное не важно. Мой сын, он жив, и я найду его...

Через два дня Руслана выписали из больницы. Вернувшись домой, он, не теряя времени, набрал знакомый номер.

– Олег Григорьевич, это Руслан.

– Да, дорогой, чем могу быть полезен? – спросили на том конце провода.

– Мне нужно найти одного человека. Его зовут Яков Гельдман, он уроженец города Кизляра, восемьдесят третьего года рождения.

Вскоре генерал перезвонил и сообщил, что Яков живет в Америке и работает телеоператором в Голливуде. Раздобыть номер его телефона оказалось и вовсе делом несложным, так что уже на следующий день Руслан набрал номер Гельдмана.

После нескольких гудков он услышал автоответчик, который сказал по-английски: «Это Яков Гельдман. Сейчас я занят, но, если вы оставите своё сообщение, я вам перезвоню».

Это был тот самый Яша, с которым Руслан провёл в подвале целый месяц, эти интонации и манеру говорить он ни за что бы не забыл, – слишком многое они пережили вместе в те тридцать дней. Руслан был рад, что Яков жив и невредим.

– Хеллоу, – услышал Руслан на другом конце и после паузы сказал: – Яков, никогда не говори «никогда».

– Руслан, я знал, что мы найдём друг друга, рано или поздно! Где ты?! В Чечне?! Как ты?! – было слышно, как Яша вскочил, что-то задел, и какие-то мелкие предметы рассыпались по полу.

– Яша, я в Москве, но через два дня буду в Лос-Анджелесе. Я тебе расскажу обо всём, но мне потребуется небольшая помощь.

– Руслан, не знаю, о чём ты хочешь меня попросить, но я для тебя сделаю всё, что могу. Ты спас мне жизнь, так что можешь во мне не сомневаться... Надеюсь, нам не надо будет никого похищать? – Яков засмеялся.

Господь мой! Как тебя благодарить?!
Ты властен забирать и щедр дарить!
Твою я волю кротко принимал,
В награду верить я не уставал...
Час встречи близок, лишь позволь
Мне многолетнюю унять страданий боль,
Готов я жизнь свою Тебе отдать,
Но прежде сына бы хотел обнять!..

Рейс «Москва – Лос-Анджелес» приземлился точно вовремя.

Лос-Анджелес встретил Руслана гвалтом разноязыкой людской толпы возле миграционных стоек. Офицер посмотрел на паспорт Руслана, потом на него и спросил:

– Первый раз в Америке?

– Да.

– Вы по бизнесу или личному приглашению?

– По личному, – ответил Руслан и, улыбаясь, добавил: – Я приехал навестить сына. Он здесь живёт и учится.

– Давно не видели сына?

– Шестнадцать лет.

– Сколько лет вашему сыну? – офицер поставил штамп.

– Семнадцать.

Офицер посмотрел на Руслана удивлённо:

– Это сильно, папаша. Что ж вы так долго не встречались с ребёнком? Не скучали, что ли?

– Очень скучал, сэр. Если бы вы только знали. Но так получилось.

– Окей, сэр. Удачи вам и добро пожаловать в Америку.

– Спасибо.

Руслан шёл, не замечая никого в толпе. Три года он не был в отпуске, но теперь, после тринадцатичасового перелета, совсем не чувствовал усталости. «Я нашёл сына, я счастливый человек», – думал Руслан, незаметно для себя добравшись до выхода.

– Руслан, я здесь! – только сейчас он увидел Яшу, идущего навстречу с распростёртыми объятиями.

Обнявшись, они постояли, крепко сжимая друг друга, как стояли когда-то, шестнадцать лет назад, прощаясь после тридцати дней совместно прожитого кошмара и не представляя себе, увидятся ли они когда-нибудь снова.

Он радостно смотрел на Якова и не мог поверить, что этот мужчина с большой густой бородой – тот самый пятнадцатилетний мальчишка, который почти три месяца провёл в жутком подвале. Тот самый, который пережил всё – холод, голод, жажду и уже потерял было веру в спасение, если бы не Руслан, случайно оказавшийся с ним рядом.

– Яша, а борода у тебя ничего. Ты что, раввин?

– Нет, я работаю оператором, но каждую субботу хожу в синагогу и в свободное время читаю Тору, Библию и Коран, – он улыбнулся. – Руслан, это благодаря тебе. Ты всегда поддерживал меня. Ты рассказывал мне истории и притчи из священных писаний. Я до сих пор помню ту историю про Моисея и его людей, когда они оказались на берегу моря, теряя надежду на спасение. Тогда Моисей сказал им: «Молитесь и уповайте на Бога, будьте терпеливы, и Он нас не оставит». Услышав эту историю, там, в подвале, я тоже стал молиться и терпеливо ждать нашего спасения, потому что знал, что ты мой Моисей, и Бог нам поможет...

Воцарилась долгая пауза, обоим невольно на память пришли дни, прожитые в заточении.

– Руслан, расскажи, где ты живёшь, что ты делаешь? Как там сейчас в Чечне?

– Яша, давай выпьем где-нибудь кофе, и я тебе обо всём расскажу подробно.

Улыбаясь, они прошли на автостоянку. «Так ярко светит солнце», – сказал Руслан, и они остановились, посмотрев друг на друга. Это напомнило им первые слова Руслана, которые он сказал, очнувшись, там, в подвале: он открыл глаза и увидел в полутьме склонившегося над собой мальчика. Мальчик спросил: «Как вы себя чувствуете?». Руслан ответил сквозь боль: «Здесь не светит солнце».

На душе у обоих было светло, хотя и Руслан, и Яков то и дело мыслями уносились туда, на шестнадцать лет назад, в холодный, мерзкий, тёмный подвал.

– Ну, Руслан, ты такой уважаемый, и не скажешь, что приехал из дикой Чечни. Извини, что так выражаюсь, – прервал Яша его мысли.

– Ничего страшного, Яков, я тебе покажу фотографии этой «дикой Чечни». – И Руслан пролистал перед Яковым снимки сорокаэтажных высоток.

– Я надеялся, что ты мне покажешь фотографии Грозного, а это Дубай. Я там был и всё это видел.

– Яша, я тоже был в Дубае и тоже видел там небоскрёбы, но я тебе показываю Грозный.

– Руслан...

– Да, Яков, это Грозный. Это уже совсем другой город с другими людьми, и первоклассники у нас обращаются с телефонами и компьютерами не хуже, чем их сверстники во всём мире.

Якова было сложно чем-то удивить в жизни, но он был впечатлён, особенно когда увидел Руслана в окружении известных российских артистов.

– Это всё в Грозном?

– Да, Яша, это всё в Грозном, и многие известные люди с удовольствием приезжают в Грозный.

– Понятно. Кстати, я так и не понял, почему тебя похитили? Меня – понятно, я был из состоятельной семьи, а тебя по какой причине?

– Не знаю, Яков, но мне кажется, что ответ я найду здесь, в Америке.

Яков удивлённо посмотрел на Руслана:

– Почему?

– Помнишь, тогда, в подвале, я говорил тебе про своего годовалого сына?

– Да, конечно.

– Так вот, я его не видел с тех пор, как был брошен в тот подвал. Они выкрали его... –

Яков в ужасе смотрел на Руслана, не зная, что ответить. – Но теперь я его нашёл, Яша. Он здесь, в Лос-Анджелесе.

– Что?!

– Да, он здесь, и я даже больше тебе скажу – помнишь того, кто единственный из наших похитителей был без маски?

– Да, конечно, помню.

– Его зовут Канта. Он здесь, в городе, и называет себя отцом моего сына.

Теперь Якову стало ясно, почему Руслан в Америке. Но такого поворота событий он не ожидал. Теперь он понимал, сколько горя выпало на долю Руслана. Ему стало по-человечески жалко друга, и, желая хоть как-то помочь, он спросил, что ему делать.

– Яша, пока не знаю, – сказал Руслан. – Скорее всего – ничего. Для меня важно уже то, что мы смогли снова встретиться. Шестнадцать лет, Яша, шестнадцать лет я видел его только в снах, а теперь он где-то рядом! Не могу поверить...

Они замолчали. Каждый думал о том, что связывало его с той давней историей.

– Руслан, с сыном всё понятно, но что ты собираешься делать с этим человеком, с Кантой? Я имею в виду – он, можно сказать, разрушил твою жизнь... Я боюсь, как бы ты не натворил чего-нибудь плохого, когда его встретишь. Руслан, помнится, ты когда-то говорил мне, что в каждом человеке есть плюсы и минусы, но Всевышний всё видит, он всех нас ведёт к добру, и нам нужно просто следовать этим правильным путём добра, путём совести. Честно говоря, вспоминая те дни, я считал Канту единственным нормальным человеком среди наших мучителей. Может быть, поэтому он и не надевал маску? Хотя, от этого ни мне, ни тебе легче не было.

В этот момент голос Якова стал жёстче, а глаза наполнились ненавистью. Он хотел забыть те события, но это было невозможно.

– Яша, помнишь, там, в подвале, я рассказывал тебе, что мечтаю отправить сына учиться в Америку, когда он подрастёт? Так вот, видно, чему быть, того не миновать. Только всё это я видел по-другому. Я хотел вырастить его настоящим чеченцем, а теперь... я не знаю, какой он. А если он не такой, каким я хотел его видеть? Сможет ли он вообще когда-нибудь стать таким? Захочет ли он вернуться на родину? В общем, вопросов много, Яша, очень много.

– Руслан, а где он живет? У тебя есть его адрес?

Руслан полез в свой телефон и, пролистав несколько страниц, протянул Якову.

– О, Валенсия? Я только вчера был там. Это примерно в пятидесяти километрах отсюда. Красивый и спокойный городок. Там лучшие школы Калифорнии. Ещё там есть Институт Искусства.

– Интересно, а ты что там делал?

– Мы заканчиваем фильм про одного мальчика-скейтбордиста, живущего там. Кстати, очень талантливый парнишка, и как скейтер, и как актёр. Предложили ему главную роль в другом фильме, но он отказался: говорит, у него серьёзно болен отец. А фильм мы собираемся снимать в Колорадо. Так что дорогу в Валенсию я знаю лучше, чем к себе домой.

– Молодец парнишка, я бы на его месте поступил точно так же. Дай бог здоровья и выздоровления его отцу. Уверен, что он очень любит отца, иначе бы так не поступил. А сколько ему лет?

– Шестнадцать или семнадцать... Слушай, Руслан, мы вот всё время говорим о твоём сыне, а ты после смерти жены...

– Я понял, Яков. Нет, я не женился, и никогда этого не сделаю. – Вспомнив о Бэле, Руслан не сдержался и вынул её фото. В ответ на вопросительный взгляд Якова пояснил: – Я всегда ношу с собой её фотографию и мысленно разговариваю с ней. Я дал ей слово, что найду Микаила...

Руслан осёкся, заметив, что его собеседник смотрит на фото со странным выражением лица.

Словно что-то вспомнив, Яков включил компьютер и развернул его к Руслану. На экране мальчишка-скейтбордист сделал несколько пируэтов, а потом, подойдя к камере, поднял вверх два пальца, что означало «мир»...

...Это был его сын. Микаил...

После долгой паузы Руслан, наконец, собрался с мыслями:

– Яков, я планировал поехать в отель, но теперь не смогу уснуть, пока не взгляну на сына хотя бы мельком. Умоляю тебя, позвони ему, скажи, что ты должен передать ему файл или что-нибудь в этом роде! Я должен его увидеть! Хотя бы через окно машины. – Яков кивнул, понимая, что отговаривать друга сейчас бессмысленно. – И ещё, когда ты ему позвонишь, включи громкую связь. Я хочу слышать его голос.

Яков беспрекословно набрал номер мальчика:

– Алло, Микаил?

– Да.

– Микаил, это я, Яков Гельдман.

– О, привет, Яков! Я как раз вспоминал тебя сегодня. Я выучил с утра два новых сложных трюка и думал, может, включим их в фильм?

Голос сына напомнил Руслану его жену – Бэлу. Теплая волна воспоминаний мгновенно захватила Руслана и перенесла в девяносто пятый год...

Глава 2. Руслан и Бэла

Трагедий в жизни нашей нам не счесть,
Предательство, лишенья, голод, смерть,
И в каждой столь невыразима боль.
Однако об одной сказать позволю...
Два сердца любящих, с надеждой, много лет,
Судьбы сносили каверзный запрет,
Печать бездетности лишала силы жить,
А сердце жаждало дитя любить...
Но воля добрая с небес сошла,
И в мир явилась новая душа...
Но нет, коварен нрав природы сей,
И ты поймёшь, что капля счастья в ней
Великой и безжалостной порой
Страдания оплачена ценой...

Руслан с Бэлой, как и всё население Грозного, метались из одного разбомблённого дома в другой. Их жилище было разрушено, как и у многих соседей. В начале года Руслан с Бэлой оказались в высокогорном селении, в доме одинокой старушки. Она выделила им две комнаты и сказала, чтобы они чувствовали себя, как дома. Самым большим неудобством было отсутствие электричества. В пять уже темнело, а солнце всходило не раньше девяти, поэтому иногда они ощущали себя «детьми подземелья».

Несмотря на войну, здесь, в горах, они как никогда чувствовали свое единение с природой, воздух был свежий, а по ночам в небе мерцали звезды, да и само небо было чистым, не то, что в городе. Руслан, как и все, верил в скорое окончание войны. Он твёрдо решил, что когда-нибудь построит себе дом в горном селе и будет приезжать туда с детьми. И хотя за десять лет брака у них с Бэлой так и не родился ребёнок, он твёрдо верил, что рано или поздно у них появятся дети.

Руслан всегда был чем-то занят, либо по дому, либо помогал сельским детишкам с учёбой. Несмотря на войну, люди понимали, что надо учиться, и были чрезвычайно рады узнать, что Руслан – учитель английского языка. Он только и успевал ходить из дома в дом, преподавая азы. Денег Руслан не брал, и люди помогали им с Бэлой, как могли.

В один из дней, вернувшись домой, как обычно, он столкнулся с Бэлой прямо на пороге. Не дожидаясь вопросов, она попросила его сесть, прикрыла дверь в комнату и... вдруг заплакала. Руслан удивился и даже слегка испугался: такого раньше никогда не было. Его Бэла была сильной и волевой, а сейчас она дала волю чувствам.

– Ну, в чём дело? Скучно тебе здесь, да? – спросил он.

– Руслан, я беременна...

– Это... – он осёкся, собираясь с мыслями, но тут же обнял жену и подхватил её на руки. – ...Это же отличная новость!

Теперь Руслан чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Все его мысли были направлены на то, чтобы найти способ вывезти Бэлу как можно дальше отсюда, чтобы она не видела и не слышала рёва самолетов, грохота пушек, треска автоматных очередей, чтобы не натыкалась на людей в военной форме. К этому невозможно привыкнуть. Война войной,

а Руслану нужен здоровый, нормальный ребёнок. Он не мог позволить, чтобы с Бэлой и малышом случилось что-нибудь плохое. Он никогда бы себе этого не простил.

Муж Зары – Расул – был человеком средних лет, отцом шестерых детей, которых он практически не видел. Он работал не покладая рук, чтобы они были обеспечены и хорошо учились. Но эта проклятая война спутала все планы – все образованные люди, включая учителей, стали покидать Чечню. Однако, как говорится: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Помощь пришла в лице Руслана, который учил их чеченскому, русскому, да плюс ко всему ещё и английскому языку. Поэтому Расул не мог отказать Руслану ни в чём. Впрочем, Руслан ничего особенного ни у кого и не просил, руководствуясь в жизни правилом: «Рука дающего – лучше, чем рука просящего». Расулу было радостно видеть, с каким усердием его дети учатся у Руслана. Он часто улыбался и говорил им: «Учитесь, дети мои! Ученье – свет, а неученье – чуть свет и на работу».

Руслан дождался, когда Расул вернется из Хасавюрта. Ещё издалека увидев знакомую машину, он торопливо направился навстречу. Они, как обычно, поздоровались, и Руслан сразу перешёл к делу:

– Расул, не знаю, говорила ли тебе Зара, но, в общем, если пожелает Всевышний, я стану отцом...

– Да ты что, Руслан! Вот тебе раз, вот тебе новость!! – Чтобы порадовать молодого отца, Расул сделал вид, будто впервые слышит об этом. – Слушай, Руслан, а ведь у нас здесь, в селе, никаких условий нет, даже медсестры нет.

– Вот об этом я и хотел с тобой поговорить. Видишь ли, Расул, у меня и у Бэлы нет никого – ни ближайших, ни дальних родственников, а оставить её здесь я не могу.

– Я понял, Руслан! Слушай, у меня есть тётя в Махачкале. Она живет одна. Дети у неё уже выросли, женились, так что это самый подходящий вариант для вас. Думаю, вам надо ехать к ней, я помогу.

– Спасибо, Расул! Спасибо тебе за помощь! Здесь только одно «но» – я не поеду. Она отправится одна. Может быть, я пару раз навещу её, а потом уже только к самым родам.

– Это почему ты не поедешь?

– Расул, у тебя шестеро детей, ты никуда не уехал. Если я уеду с ней, то буду чувствовать себя так, словно спрятался от войны за спиной жены. Я не поеду, Расул. Помоги мне с Бэлой в Махачкале...

– Подожди, Руслан. Я всё понял. С Бэлой вопрос решён. Что тут можно сказать... На твоём месте я поступил бы точно так же.

...Так получилось, что Бэла оказалась в Махачкале только через четыре месяца. Она сразу сделала УЗИ, чтобы узнать пол ребёнка. Ей очень хотелось, чтобы это был мальчик, потому что так хотел её муж. Не было у неё никого в целом мире, кроме него, так же, как и у него – никого, кроме неё. И вот теперь у неё должен был появиться ещё один родной человек. Все тяготы беременности были ей в радость. Она жила в ожидании момента, когда ребёнок появится на свет. Руслан так долго ждал этого.

Каждый раз, когда «божий дар» толкался в утробе Бэлы, она плакала от счастья. Это было нечто невыразимое – ощущать, что скоро ты дашь кому-то жизнь. Более того, УЗИ показало, что будет мальчик.

– Руслан, это мальчик! – радостно выпалила Бэла по телефону.

– Защитник, значит, будет, кормилец! Ты береги его, моего сына, не перетруждайся! И, пожалуйста, будь осторожнее! – он помолчал и с сомнением добавил: – Не знаю, может, зря я тебя одну оставил?..

– Я справлюсь... – было слышно, как тяжело дались Бэле эти слова, как ей хотелось сорваться и заплакать, начать жаловаться, что ей плохо без крепкого плеча мужа, на которое можно было бы склонить голову. Но ничего этого она не сказала, только едва слышно повторила: – Я справлюсь.

Руслан почувствовал всё, что она хотела сказать и не сказала, всё, что должна была сказать. И он понял: Бэла хотела, чтобы он оставался вместе со своим народом, разделил общее горе, помогал людям, чем мог. Ведь именно за это она любила его.

Так и не подобрав нужных слов, он положил трубку.

Через несколько дней к Бэле подошла медсестра: «Бэла, Людмила Ивановна просит тебя зайти к ней в кабинет».

Бэла инстинктивно почуяла что-то неладное. Забыв об осторожности, она побежала в кабинет главного врача и с ходу, не поздоровавшись, выпалила: «Что-то не в порядке с моим сыном?!»

– Успокойся, Бэлочка, твой ребёнок здоров и в порядке, – ответила Людмила Ивановна.

Схватившись за сердце, Бэла с облегчением опустилась на диван.

– Слава Всевышнему, я так испугалась...

И тогда главврач посмотрела ей в глаза и сказала то, что она больше всего не любила говорить своим пациенткам:

– Бэла, твоя жизнь в опасности. Ты заметила, как сейчас схватилась за сердце? Так вот, у тебя врождённый порок сердца. Ты не вынесешь эти роды и можешь умереть.

– ...А ребёнок?

– С ним всё будет хорошо. Но я предлагаю тебе подумать о своей жизни.

– Каким образом?

– Тебе надо избавиться от ребёнка.

Словно услышав эти слова, ребёнок в утробе Бэлы забился с невероятной силой, он будто кричал и сопротивлялся, умоляя не убивать его. Слезы хлынули из глаз Бэлы. Она распахнула халат, оголив живот, положила на него правую руку и спросила:

– Людмила Ивановна, вы это видите?

Другой реакции Людмила Ивановна и не ожидала. Ей было шестьдесят лет, и тридцать пять из них она посвятила тому, что каждый день приносила людям хорошие вести, сообщая, что у них кто-то появился на свет. За это она и любила свою работу. Но иногда, очень редко, бывали дни, как сегодня, и тогда она жалела, что выбрала эту профессию. К этому нельзя было привыкнуть. Для женщины всегда огромная трагедия – узнать, что её мечтам о материнстве не суждено сбыться.

– Каковы шансы, что я смогу выжить во время родов?

– Самые минимальные. По моей практике скажу – почти никаких.

– Людмила Ивановна, на днях приедет мой муж. Возможно, раньше в его роду были сотни, тысячи человек, но сегодня у него, как и у меня, не осталось ни братьев, ни сестёр, ни родственников. И он ждёт этого ребёнка, своего сына, уже целую вечность. Это вторая причина, по которой я хочу родить ребёнка, но самое важное состоит в том, что я – мать, я – женщина. Пожалуйста, не говорите моему мужу об этой проблеме. Никогда. Я хочу написать ему письмо. Если я умру... – и тут Бэла не выдержала и расплакалась. Ей не хотелось расставаться ни с любимым мужем, ни с ребёнком, который стал теперь смыслом её жизни. Но, возможно, теперь ради них ей придётся покинуть этот мир. – ...Если я умру, вы передадите ему моё письмо.

– Бэлочка, я сделаю всё, как ты скажешь, – со слезами на глазах Людмила Ивановна заключила Бэлу в свои объятия.

Руслан ходил по коридору, нервно обгрызая ногти. С минуты на минуту на свет должен был появиться его долгожданный сын. Руслан ждал, когда за дверями раздастся крик новорождённого, и медсестра сообщит ему радостную весть. Но вместо медсестры к нему вышла сама Людмила Ивановна. Она шла неторопливо, и её лицо не выражало ничего. Руслан подумал, что это, наверное, из-за усталости, и, как только она подойдет, всё сразу встанет на свои места.

– Людмила Ивановна, как мой сын, как Микаил?

– С ним всё хорошо, его сердечко бьётся... – сказала она бесцветным голосом, – ... но сердце бедной Бэлы остановилось...

Далёкий блеск звезды полночной
Под куполом небесных стен,
Намёком ли света нарочно,
Мне навевает сладкий плен.
Покой и силу вдохновенья,
Познания радость и прозренья,
И миру неземную тишину
Вобрав всем сердцем, я тебе пишу...

Быть может, на закате блёклом,
За горизонтом берегов,
Воспоминанием о вечном
Я сотворю букет стихов.
О страждущей душе бойца,
Под тяжестью победного венца,
И женщине, творящей мир
Под звуки лучезарных лир!

Руслан снял номер в гостинице «Hyatt», в Валенсии, поближе к Микаилу. Он выяснил, что мальчик заканчивает занятия в школе в два часа дня, а домой добирается на школьном автобусе. В половине третьего автобус останавливался напротив дома Микаила, поэтому Руслан припарковался неподалёку, чтобы дождаться сына. Он был уверен, что ни с кем его не перепутает.

Увидев автобус, Руслан напрягся, его сердце часто забилося. Он не отводил глаз от группы детей, которые прощались друг с другом. Все пошли дальше по улице, и только один начал переходить дорогу. Это был он – Микаил. Руслан сразу заметил, что он очень похож на мать – так же чуть наклоняет голову вправо, и есть что-то неуловимо знакомое в походке... Руслан до сих пор помнил его родинку на правой щеке, как и у Бэлы. Он проследил за Микаилом, пока тот не скрылся в доме, затем медленно тронулся с места, предполагая поставить машину чуть в отдалении, чтобы не вызывать подозрения у соседей. Может, это никого и не волновало, но врождённый инстинкт самосохранения жил в нём, как и в любом другом чеченце. Особенно после войны. Как только его автомобиль поравнялся с домом Микаила, дверь открылась, и Руслан увидел, что на пороге вновь появился его сын со скейтбордом в руках. Он уже шагнул вниз по ступенькам, но потом вернулся и громко сказал через дверь, смешивая русские и чеченские слова: «Дада, у меня на завтра нет домашнего задания. Я приду через час».

Радости Руслана не было предела. О таком он мог только мечтать – его сын говорил на трех языках! Ему захотелось от всего сердца поблагодарить его опекуна за то, что он не поленился и научил мальчика и чеченскому, и русскому языкам даже вдали от дома. Однако Руслан

тут же сообразил, что, если бы мальчика не выкрали, то он сам научил бы его и чеченскому, и русскому, и английскому, и, более того, – Микаил называл бы отцом его, а не этого чужого человека. Теперь Руслан уже готов был разорвать старика голыми руками. Но он быстро пришёл в себя, вспомнив, что в жизни добро и зло всегда ходят рядом. Руслан понимал это как никто другой. Он ещё в детстве задумывался над словами одной песни: «Если боль твоя стихает, значит, будет новая беда». Позже, погрузившись в чтение религиозных и философских книг, Руслан понял, что Аллах сотворил людей для испытаний, и не все выходят из них победителями. Всякий раз, когда он попадал в беду, он вспоминал слова из Корана, где сказано: «Аллах посылает только те испытания, которые человек может выдержать».

Тем временем Микаил спустился по лестнице, бросил скейтборд наземь и, ловко на него запрыгнув, покатился вниз по улице. Руслан аккуратно завёл машину и поехал следом, пока, минут через пять, не увидел надпись: «Скейтпарк Санта Клариты». Теперь он знал, где вероятнее всего найдет Микаила в следующий раз.

После долгих раздумий Руслан решил, что завтра он дождетя Микаила здесь, поздороуется и назовёт себя другом отца, а потом скажет, что хотел бы сделать Канте сюрприз, неожиданно нагрянув к нему в дом.

А пока что Руслану хотелось понаблюдать за сыном. В конце концов, он не знал, как всё сложится после их встречи с Кантой.

Руслан заметил на стене надпись: «Пожалуйста, надевайте шлем», но, похоже, кроме него, никто надпись не читал, – все дети катались без шлемов. Понаблюдав, как скейтеры падают после неудачных трюков, он проворчал: «Нет, обязательно куплю ему самый лучший шлем и обязательно построю для него на Рублевке скейтпарк». Этим Руслан словно убеждал себя, что Микаил без колебаний признает в нём настоящего отца и уедет с ним в Россию. Он уже увлёкся было своими мыслями, как вдруг его пронзило какое-то необъяснимое предчувствие: «Сейчас будет беда». Он хотел окликнуть Микаила, но было поздно – разогнавшись, мальчик взлетел с самой верхней ступени лестницы, но перед приземлением потерял скейтборд и, вместо того, чтобы опуститься ногами на доску и покатить дальше, приземлился на ноги и по инерции полетел вперёд. Следующие секунды для Руслана превратились в вечность. Он, словно в замедленном кино, видел, как тело его сына разворачивало в воздухе, угрожая ударить головой об асфальт.

Забыв обо всём, Руслан бросился к сыну.

Микаил пытался открыть глаза, но тщетно. Он не мог сообразить, где он и что с ним произошло. Наконец, он разглядел своих друзей – Эрика и Алека. Они что-то говорили, но слух ещё не до конца вернулся к нему. Мальчик попытался было шевельнуться, но понял, что стиснут в чьих-то объятиях. Прижав сына к груди, Руслан в ужасе кричал по-чеченски, что это его вина, что ему не надо было ждать, пока что-то случится, а надо было сразу идти в дом к сыну, как только увидел его. Ошарашенный происходящим, Микаил, похоже, даже забыл, что с ним произошло. Медленно высвободившись из объятий Руслана, он спросил по-чеченски: «Вы кто?». Руслан собирался уже ответить, но тут на полной скорости в парк влетела машина скорой помощи и через несколько секунд остановилась около Микаила.

Доктор начал было задавать вопросы, но Руслан вмешался и принялся отвечать сам. Выслушав его, врач предположил, что у Микаила, вероятнее всего, сотрясение мозга, и его следовало бы отвезти в больницу, чтобы сделать компьютерную томограмму. Всё это время Микаил смотрел на Руслана и думал: «Кто этот незнакомец? Почему он причитает надо мной? Почему вмешивается, да ещё говорит на чеченском?»

– Ну что? Едем в больницу? – спросил врач.

– Я думаю, со мной всё в порядке, – ответил Микаил, потирая ушибленный локоть.

– Хорошо. В таком случае нужно подписать бумагу, что пациент отказывается от госпитализации. Но вы этого сделать не можете, потому, что вы несовершеннолетний. Необходимо, чтобы её подписал кто-то из родителей.

– Нет проблем, я отец, – сказал Руслан и быстро поставил свою подпись. Он думал, что удивит или даже испугает Микаила, но тот улыбнулся и подмигнул ему.

Руслан предложил довезти мальчика до дома. Тот не стал возражать. Когда скорая помощь уехала, они медленно пошли к машине. Микаил ловко забросил в багажник свой скейт-борд и сел на переднее сиденье. Руслан уже доставал ключи, когда Микаил, улыбаясь, сказал: «Спасибо, что сообразили и назвали себя моим отцом, иначе они повезли бы меня домой, и мне бы влетело».

– Микаил, я действительно твой отец, – сказал Руслан и, как бы для достоверности, снова повторил: – Я твой отец.

Улыбка сошла с лица Микаила, и теперь его взгляд выражал подозрение.

– Послушай, Микаил, я объясню тебе всё позже. Мне нужно поговорить с Кантой, и желательно в твоём присутствии.

– Извините, мой отец очень болен, и я...

– Он тебе не отец. Я – твой отец.

– Нет, он – мой отец, а вот вы кто такой, чтобы мне это говорить?! – глаза Микаила гневно сверкнули.

Руслану показалось, что если он скажет ещё что-то про Канту, то Микаил вцепится ему в горло. Теперь от его американской вежливости ничего не осталось. «Зов крови», подумал Руслан и где-то в глубине души даже обрадовался тому, что его сын может быть таким «коршуном» и так неистово защищать своё.

Руслан пристально посмотрел мальчику в глаза и сказал:

– Микаил, успокойся и послушай меня, и очень скоро тебе всё станет ясно. Кто твоя мама?

– Она умерла, когда рожала меня.

– Это правда. А как её звали?

– Роза.

– А вот это неправда! Её звали Бэла. Почему тебе не сказали правду, мне ещё предстоит выяснить. Ты видел когда-нибудь её фотографию?

– Нет.

– А почему?

– Потому что мой отец, мой папа, сказал, что из-за войны наш дом сгорел, и вместе с вещами сгорели все наши фотографии.

– Это тоже неправда, Микаил. Дело в том, что у Канты никогда не было фотографий твоей мамы, потому что он её никогда и не видел. Более того, шестнадцать лет назад он с бандитами похитил меня и Яшу Гельдмана. А потом я потерял тебя на целых шестнадцать лет. И сейчас, когда я тебя нашёл, я никому тебя не отдам! Ты слышишь меня? Никому! Даже если весь земной шар перевернётся, – последние слова он сказал очень жёстко и уверенно, как будто кто-то действительно хотел отнять у него сына ещё раз.

Микаилу начало казаться, что он попал в какое-то странное кино, где похищают детей, а потом их находят таинственные незнакомцы. Это в корне нарушало тот ритм, в котором он жил, сколько себя помнил. Даже ему – совсем юнцу – стало понятно, что сейчас его жизнь принимает совершенно неожиданный оборот. Он не раз видел свою маму во сне. Он говорил с ней, делился сокровенными секретами и мыслями.

Когда ему было семь лет, в нём проявились способности художника. В десять лет он нарисовал портрет матери, показал Канте и спросил: «Она была такая?».

Канта бросил быстрый взгляд на рисунок и буркнул: «Нет».

Расстроенному Микаилу ничего не оставалось, кроме как уйти в свою комнату. И вот сейчас этот незнакомец, неожиданно ворвавшийся в его жизнь, даёт ему надежду на то, что он сможет увидеть мать, хоть мельком, хотя бы на фотографии.

– Если вы говорите правду, и вы мой отец, тогда докажите это. Покажите мне фотографию мамы. Я её узнаю.

– Нет сомнений, Микаил, ты её, конечно же, узнаешь.

Руслан открыл портфель и бережно достал фотографию Бэлы. Как только взгляд Микаила упал на изображение, слёзы ручьём хлынули из его глаз. Руслан вышел из машины. Увидев какого-то прохожего, он машинально попросил закурить, а в обмен протянул двадцать долларов, даже не понимая, что он делает. Это была его первая и последняя сигарета в жизни. Неумело докурив, он вернулся к машине и застал Микаила с прижатой к груди фотографией матери. Он нашел её, и он был уверен, что она видит его и может быть спокойна, потому что теперь он не один. Теперь с ним отец. Руслан вытянул сына из машины и прижал к себе. Микаил прильнул к отцу, доверчиво утонул в его объятиях.

...Когда-то Руслан прождал десять лет, пока Микаил появится на свет, и когда он, наконец, родился – мир перевернулся. Руслан держал в руках крошечное существо ростом в пятьдесят один сантиметр и весом в три килограмма и не мог поверить, что это – его плоть, его частица. Ему хотелось прижать сына к груди, чтобы показать свою любовь, но он боялся раздавить малыша. Сейчас, спустя шестнадцать лет с момента, когда его разлучили с сыном, он словно восполнял этими объятиями все те упущенные дни и часы, когда Микаила не было рядом. Всё остальное было уже неважно. Важно было то, что они теперь – вместе.

– Дада, почему умерла мама? – спросил Микаил.

– Понимаешь... Жалко, что ты не умеешь читать по-русски, я бы дал тебе её письмо...

– Дада, я умею читать по-русски.

Тогда Руслан открыл портфель и молча протянул сыну последнее послание Бэлы...

«Руслан, всегда есть надежда на хорошее, надежда, что тебе не придётся читать это письмо. Но в случае, если я умру, ты прочтёшь его. Страшно подумать, что я умру, страшно не за свою жизнь, страшно, что мне придётся расстаться с тобой и никогда не увидеть нашего сына, мы ведь так долго его ждали, нашего Микаила...»

Слёзы опять потекли из глаз Микаила. Руслан всё это время смотрел на сына, и когда тот заплакал, он точно знал, какие строки сын прочитал. Руслан перечитывал это письмо много раз, он знал его наизусть. И он отдал бы жизнь за то, чтобы Бэла хоть краешком глаза могла взглянуть на сына.

Микаил тем временем переживал свою драму. Жалел ли он себя? Нет. Когда-то он прочитал, что жалость к самому себе – это удел слабых. Поэтому он никогда, ни при каких обстоятельствах не жалел себя. Но ему было жалко маму, которую он любил, хотя никогда не видел.

Микаил продолжал читать письмо Бэлы: «Руслан, ничего уже не изменить и не оспорить. Я прожила с тобой счастливую жизнь и не променяла бы тебя ни на кого. Я уверена, что ты будешь в Раю, и я надеюсь, что своим поступком смогу присоединиться там к тебе. Я знаю, что ты будешь любить нашего сына и заботиться о нём. Береги его и вырасти из него такого же хорошего человека, как ты сам. Будь всегда рядом с ним».

Дочитав, Микаил задумчиво сказал:

– Дада, меня беспокоит вопрос: что будет дальше? Как ты поступишь с Кантой? Как ты ему всё объяснишь?

– Я ничего не должен ему объяснять. Это он должен мне объяснить, почему ты рос не со мной, а с ним.

Микаил почувствовал в голосе Руслана грубые и резкие ноты.

– Дад, я не знаю, почему, но я уверен, он действовал не по злему умыслу, иначе не относился бы ко мне так хорошо все эти годы. Немногие родители заботятся о своих детях так,

как он. Прошу тебя об одном – когда его увидишь, не торопись судить. Выслушай его сначала. Хорошо, дад?

– Хорошо, – ответил ошеломлённый Руслан. Ему показалось, что он разговаривает с мудрым старцем. Он прекрасно понимал, что обычный подросток не может так рассуждать. Значит, у сына был свой тайный, никому не известный мир, полный взрослых переживаний. – Микаил, а откуда ты знаешь, что отца по-чеченски называют «дада»? – спросил Руслан.

– Я так называю Канту.

– А как ты теперь будешь его называть? После того, как узнал правду?..

– Дада, я понимаю тебя, но поверь, все эти годы он был добр ко мне, воспитывал как чеченца, и всегда говорил, что я должен вернуться домой, на родину.

– Микаил, тогда я не понимаю, зачем ему всё это? Если у него не было детей, он мог найти тысячи других возможностей завести сына. Но почему, почему ему надо было именно меня сделать несчастливym на долгие шестнадцать лет?!

– Дад, я не знаю. Но точно знаю, что он никому не мог сделать плохого. Он хороший человек.

– Думаю, ты прав, Микаил. Когда бандиты похитили меня много лет тому назад, он единственный среди них был без маски. Он один не грубил и не избивал нас с Яшей, когда я пытался им объяснить, что они совершают большой грех. С тех пор я много раз пытался понять, в чём тут секрет. И ещё вот что удивительно... Если бы он не хотел, чтобы я тебя нашёл, он не должен был появляться на телеэкране, тем более, вместе с тобой. Это был либо очень глупый поступок, либо он хотел, чтобы я вас нашёл.

– Дад, я могу тебе сказать точно одно – я знаю его очень хорошо. Он очень разумный человек и никогда не делает опрометчивых поступков.

– Тогда почему он хотел, чтобы я нашёл тебя?

– Я не знаю.

– Да, конечно, откуда тебе это может быть известно... Даже мне непонятна вся эта ситуация.

– Я думаю, ответ в пяти минутах отсюда.

– Скоро мы всё узнаем... Кстати, Микаил, сначала я бы хотел пойти в мечеть и помолиться.

– Нет проблем, дада. Видишь то маленькое здание? Там внутри мечеть. С шести лет Канта водил меня туда каждую субботу и воскресенье, я учил там арабский язык и основы религии.

– Спасибо ему за это.

Руслан понял, что невозможно отрицать очевидное: Канта сделал для его сына много добра, но какую цель он преследовал, выкрыв малыша у родителя, оставалось неясным. Поэтому, хотя Руслан был бесконечно рад «второму рождению» Микаила, он всё ещё чувствовал себя не в состоянии простить Канту. Зайдя в мечеть и совершив омовение, Руслан полностью погрузился в молитву. Опомнился он только когда увидел рядом с собой сына, который кротко шептал слова молитвы. Когда-то Руслан держал его, совсем крохотного, в ладонях. Теперь этот мальчик уже был одинакового роста с отцом.

– Спасибо тебе, о Аллах, за всё, что ты делаешь, – прошептал Руслан и, повернувшись к сыну, крепко обнял его.

Микаил всё ещё держал в руках письмо и фотографию мамы. Ему казалось, будто он держит её за руку, как всегда мечтал. А теперь он может обнять и взять за руку ещё и своего отца.

Руслан инстинктивно чувствовал, что в действиях Канты не было злого умысла. Просто было что-то такое, о чём они – Руслан и Микаил – не знали. Неторопливо выйдя из мечети, они направились к машине.

– Микаил, когда войдём в дом, пожалуйста, укажи мне его комнату, а сам иди в другую. Мне надо поговорить с Кантой с глазу на глаз. Потом я тебя позову, когда надо будет.

Хотя Руслан сказал это спокойно, Микаилу стало тревожно на душе.

– Дад, ведь всё будет нормально, правда же? – он как бы одновременно спрашивал и утверждал.

– Всё будет хорошо, Микаил.

Они медленно подошли к дому. Руслан сделал глубокий вдох. Что-то словно удерживало его и говорило: «Не торопись». Микаил уже взялся за ручку двери, когда Руслан перехватил его руку:

– Микаил, мне нужно немного времени, прежде чем я войду. Ты меня понимаешь?..

– Да, дад, конечно, тебе нужно время.

Руслану было невыразимо приятно слышать, как сын называет его отцом. Хотя Руслан был отцом уже много лет, но сегодня это случилось с ним впервые. Об этом он мечтал столько лет. Сейчас ему как никогда захотелось обнять сына, но он сдержался, потому что, будучи чеченцем, считал подобные проявления нежности чрезмерными. Руслану казалось, что его жизнь вот-вот разделится на две части. Одна была до этой минуты, и вторая начнется, когда он поговорит с Кантой.

Руслан медленно развернулся и пошёл в сторону лужайки, сел на траву, подогнув под себя ноги. На память вдруг пришли дни, когда он уходил в армию...

Глава 3. Руслан в армии

Неразделимы белых два крыла —
То к справедливости любовь и доброта.
Он избран Богом, духом окрылён,
И тяжёлый путь его на поприще благом...

Ты чувствуешь глухую мира боль
И рвешься залечить чужие раны.
Где благодарность?.. Но не важно столь...
Пусть ноют сердца, тела раны...

Честь уронить нельзя, ничтожна смерть,
Великодушные – редчайшая отвага,
Наперекор всему имей свой манифест,
Достойный образ – вечная награда.

Когда Руслану исполнилось восемнадцать лет, ему, как и всем его сверстникам, пришла повестка в армию. Защиту Родины он считал своим долгом. И ему очень хотелось попасть в Афганистан, чтобы сражаться там против врагов.

Руслан никогда не опаздывал и явился к кабинету военкома Воронина ровно в назначенное время. Он уже хотел открыть учебник английского, чтобы скоротать время в ожидании, но увидел, как по коридору, чуть прихрамывая, идет сам подполковник – высокий, подтянутый человек лет пятидесяти.

- Вы ко мне, молодой человек?
- Так точно, товарищ подполковник! – Руслан вскочил.
- Ух ты, глянь на него, воин! Твоя фамилия... – он попытался вспомнить, – проклятая контузия. Так как твоя фамилия, воин?
- Дадиев, товарищ подполковник.
- Да, точно, Дадиев. Ну ладно, проходи, поговорить надо. – Они вошли в кабинет. – Небось, на гражданке хочешь остаться, а?
- Никак нет, товарищ подполковник!
- Да что ты заладил «товарищ подполковник, товарищ подполковник». Ещё не в армии, успеешь, – он улыбнулся. – Кто тебя этому научил? Дорофеев, что ли?
- Так точно... Да, товарищ подполковник!
- Тот ещё орел. Всё такой же строгий?
- Да нет, он очень хороший, мы его все уважаем.
- Знаю, знаю, его студенты особенно хороши: собрать, разобрать автомат Калашникова умеют отлично. Сам-то за сколько справишься, а?
- За пятнадцать секунд.
- За сколько? За пятнадцать секунд?
- Так точно, товарищ подполковник!
- Ты знаешь, какой норматив на «отлично»?
- Знаю, от восемнадцати до тридцати секунд.
- И что? Зачем тебе так быстро собирать его, а?

– Ну как же, товарищ подполковник, если на войне надо будет рожок поменять, ну, или затвор заклинит. Там надо всё по-быстрому.

– Причём тут война? Ты что, служить идешь или воевать? – Офицер вдруг задумался. – Хорошо, спрошу тебя прямо: ты где хочешь служить?

– В Афгане, товарищ подполковник.

– Етить твою мать, ещё один герой... – сказал Воронин, закуривая сигарету. – Слушай, я там четыре года провёл. Ты видишь, что у меня с ногой? Видишь? – раздосадованный, он встал из кресла.

– Да.

– Так вот, я там на mine подорвался. Со мной понятно, я сам этот путь выбрал давным-давно. А тебе-то чего неймётся, а? Зачем тебе Афган?

– Ну, вы же там были, да и другие ребята защищают там нашу родину.

– «Там» это ты правильно сказал. Там, а не здесь. Родину обычно защищают на своей земле, а если ты воюешь где-то на чужой, то я сомневаюсь, что это защита Родины. В общем, слушай меня, умник. Садись и давай поговорим, как мужчина с женщиной.

– Давайте, – сказал Руслан, всё ещё не понимая Воронина.

– Через год я уйду на пенсию. Я, как и многие другие, совершал и хорошее, и плохое. Мне уже пятьдесят, я прожил больше половины своей жизни, как говорится, стою одной ногой в могиле. Я дал себе слово, что за этот год я сделаю всё, чтобы мальчишки, особенно такие, как ты, не попали на войну, в Афган. Ты меня понял?

– Почему «такие, как я»? Я что, хуже других?

– Нет, ты не хуже и не лучше. Ты – сирота. Вот, смотри, – он достал пачку фотографий молодых парней. – Этих ребят больше нет. Они все погибли там, и четверо из них были сироты. Как и ты, понимаешь? Они могли бы жить, жениться, завести свои семьи. Но их больше нет. Понятно, всех оградить от войны я не смогу. Но таких, как ты, я не отправлю, ты понял? – он потянулся за новой сигаретой. – В общем, через месяц будет отправка солдат на Сахалин. Это очень далеко, особенно от Афганистана. Будешь служить в стройбате, заработаешь денег, после армии они тебе понадобятся. И на этом – точка. Можешь идти. И ещё... Этот разговор – строго между нами, хорошо?

Руслан вышел из кабинета, чувствуя какое-то опустошение, – он так мечтал попасть в Афган. Но Юрия Андреевича он понимал, ведь подполковник желал ему добра. Плюс ко всему, только сейчас, в восемнадцать лет, Руслан впервые осознал себя сиротой. Он – один, и умирать в его планы не входило. Он думал: как только вернётся из армии, он обязательно, не откладывая, женится. Но прежде, конечно, он влюбится. И это произойдёт именно так, как было у его родителей, как рассказывала ему мама. Он вдруг принялся вспоминать родителей, как вспоминал в первые годы после их смерти. Ему хотелось жить, но сейчас на душе было так же, как в тот день, когда они погибли. Ему захотелось навестить их могилы, которые были рядом друг с другом, как и они сами были вместе всю жизнь, с самой свадьбы.

Огромный Ил-86 оторвался от взлётной полосы в Грозненском аэропорту. Многие смотрели в иллюминаторы, махали рукой, прощаясь с любимым городом. Руслан занял своё место и сразу уснул мертвецким сном. Проснулся он, только когда самолет приземлился в аэропорту Хабаровска. Многие призывники из Грозного здесь высадились, вместо них в самолет сели другие ребята. А Руслану ещё предстояло лететь к пункту назначения – Южно-Сахалинску.

Самолет приземлился мягко. «Начало хорошее», – подумал Руслан, окончательно проснувшись. Все как-то разом поднялись, но он особо не торопился. «Куда торопиться, – подумал он. – Вся жизнь впереди. И этот отрезок тоже пройдем. Слава Аллаху, что не в морфлот на три года».

Он спустился по трапу одним из последних, офицеры уже поставили призывников в строй. Они выкрикивали фамилии, и новобранцев забирали по трое-четверо, а то и по десять человек. Какой-то капитан назвал фамилию Дадиева. Руслан вышел из строя. Капитан быстро осмотрел его, кивнул, будто самому себе подтверждая, что не ошибся в выборе, искомандовал: «За мной». Они сели в узик.

– Я капитан Гончаров, командир трубопроводной роты. Рота у нас не очень большая – тридцать человек. Пятнадцать «дедов», десять «черпаков», ну, и вас, «салаг» – пятеро. Порядки у нас суровые: салаги с фингалами ходят, за столом во время обеда засыпают, хоть и голодные. Видно, что «старики» их мучают. Кого ни спроси – кто об тумбочку ударился, кто споткнулся, и всё в этом роде. В общем, никто ничего не видел и не слышал... Ты меня слушаешь, солдат?

– Да.

– Не «да», а «так точно, товарищ капитан!». Понятно?

– Так точно, товарищ капитан.

– Во, так лучше. В общем, все салаги ходят с фингалами. У нас новый командир части пришёл из дисбата. Раньше всё было по-другому, как положено, точнее, как не положено, но этот командир – Гундарев – сразу предупредил всех – если узнает, что молодых солдат обижают, то офицерскому составу не поздоровится. Уже сам начальник штаба, майор Гуров, ему честь отдаёт строевым шагом. А о других, кто пониже чином, я вообще молчу. Он сказал, что сделает нашу часть одной из передовых в Дальневосточном округе. А если сказал – то сделает. Всего неделю здесь, а уже порядок – ой-ёй-ёй. Короче, Дадиев, я сам из Грозного, с Катаямы... Катаяму знаешь?

– Так точно, товарищ капитан.

– Во-от. Знаю, ты себя в обиду не дашь, а как эти пятнадцать дедов уйдут, мне нужен будет нормальный замком взвода. Понимаешь?

– Да.

– Не «да», а «так точно, товарищ капитан».

– Так точно, товарищ капитан!

– Спортом занимался?

– Так точно, товарищ капитан, второй взрослый разряд по боксу.

– Вот это я понимаю! А что, не смог до кандидата в мастера спорта дотянуться?

– Да я, как в институт поступил, решил, что лучше голову качать, чем бицепсы.

Этот ответ сильно рассмешил капитана. Руслан подумал, что не такой уж он грозный, каким кажется с виду.

– В общем, Дадиев, мы уже подъезжаем к части. Времени мало. Что такое трубопроводные войска, ты скоро узнаешь. Скажу одно: будешь всё делать правильно – будут у нас с тобой хорошие отношения, а не будешь – значит, хороших отношений не будет. И последнее: у нас пятнадцать двухъярусных кроватей. Внизу спят «деды», а на верхних кроватях все остальные. И только одна пустует – твоя. Естественно, твоя на втором ярусе. Так вот, полгода назад у меня уволился замком взвода, чеченец Кутуев. Зверь был, но порядок держал. И вот он уже на третий день спал на нижней койке. Намёк понял, рядовой Дадиев?

– Так точно, товарищ капитан!

Они подъехали к воинской части. Дежурный открыл ворота, вытянулся, словно струна, и отдал честь. Они подъехали к штабу, где капитан отпустил водителя и повел Руслана внутрь для урегулирования всяких формальностей. А спустя десять минут они уже прибыли в расположение роты.

– Кравцов! Старший сержант Кравцов, иди сюда!

– Есть, товарищ капитан, – подошёл высокий блондин с одной широкой лычкой на плечах.

– Вольно! Вот новобранец, покажи ему, где будет спать, ну и всё остальное, а потом построишь всех на обед, понял?

– Так точно, товарищ капитан!

Как только капитан Гончаров исчез из виду, на лице Кравцова появилась закономерная ненависть к новобранцу:

– Ну что, душара, с этой минуты будешь, как все салаги, летать. Понял?

Это был риторический вопрос. Кравцов ожидал, что Руслан промямлит: «Да», а он заревёт как лев: «Не „да“, а „так точно, товарищ сержант!“» Руслан же молча положил сумку на кровать и медленно приблизился к Кравцову.

– Я, во-первых, не «душара». Руслан меня зовут. А во-вторых, я не в лётный полк попал, чтобы летать. А если ты хочешь летать, я тебе крылья смастерю, будешь, как Икар. Только смотри, крылышки не подпали, а то падать будет очень больно. Ты меня понял?

Стоя в каптёрке, капитан Гончаров выбирал униформу для рядового Дадиева. Он слышал весь разговор. «Это то, что надо», – удовлетворённо подумал он, но всё же грозно прорычал: «А ну, разговорчики отставить, Кравцов, Дадиев!» Кравцов стиснул зубы, всем своим видом показывая Руслану, что тому очень повезло, а Руслан, в свою очередь, подумал точно наоборот. Уже когда шли строем в столовую, Руслан заметил, как Кравцов поочередно подходил к другим солдатам и что-то шептал им, а те кивали в ответ. Один из них громко сказал: «Конечно, а то салаги совсем оборзуют». Было понятно, что речь шла о том, как приструнить новичка. Впрочем, Руслану было не до того – ему очень хотелось спать. Вернувшись из столовой, он разыскал одного из новобранцев и подошёл к нему:

– Тебя как зовут?

– Виктор.

– Откуда родом?

– Я из Кирова, а ты?

– Я из Грозного. Что у тебя с глазом?

– Да, вождение сдавал, слишком медленно ехал, вот за это сапогом в рыло и получил.

– Не понял?..

– Ну, это, короче... Ночью «старики» так развлекаются: то «вождение сдаем», то в «шахматы играем», то «кукарекаем». В общем, каждый день что-нибудь новое придумывают.

– Ты объясни нормально, что значит «вождение сдаем», «кукарекаем»?

– Ну, вот, в общем, неделю назад, когда нас в роту привели, в первую ночь Кравцов говорит: «У кого права есть?». Я говорю: «У меня», а он: «Значит, водить умеешь?». Я говорю: «Так точно, товарищ сержант». А он мне: «Становись на все четыре, на карачки», сел на меня и говорит: «Включаю первую скорость, поехали! Только медленно». Ну, я и тронулся. А он потом говорит: «Я переключился на четвертую скорость», а я и не понял, что надо быстрее ползти. Он остановил меня и как вмажет мне в рожу со всей дури! У меня аж искры из глаз полетели. А потом говорит: «Сука, завтра не вздумай ничего на завтрак хавать». Вот я и не пожрал, до обеда ходил голодный.

– А шахматы?

– Шахматы? Он спрашивает: «Кто играть умеет?» Рязанов с Бердыевым обрадовались и подняли руки. А он им: «Вот, видите наш кубрик? Берете стекло и драите пол, чтоб гладким был. А после ещё ваксой покроете, чтобы блестело! Поняли?» Так они всю ночь полы чистили, и всё равно не успели. Ну, «старики» с утра и накатили по полной. Тоже, видишь, с разбитыми мордами ходят...

– Слушай, Витёк, меня внимательно. У тебя – не рожка, не морда, и не рыло, у тебя – лицо, как у любого нормального человека. Далее, ты не пожрал, а поел, ты человек, а не свинья. И последнее: с сегодняшнего дня ты и остальные новобранцы «вождение» не сдаете, в «шахматы» не играете, не «кукарекаете», а то в петухов превратитесь. Ты меня понял?

У Витька широко раскрылись глаза от такого дерзкого заявления:

– Ты чё, Руслан, совсем, что ли? Да они нас убьют. И потом, мы – духи, нам положено «летать». Годик «отлетаем», а потом всё будет нормально...

– Делай, что я тебе говорю, потом спасибо скажешь. Понял? – перебил его Руслан.

– Понял, – ответил Виктор, хотя и подумал, что ничего из этого не выйдет.

После вечерней поверки капитан Гончаров пожелал всем спокойной ночи и, проходя мимо Руслана, быстро сказал ему на ухо: «Ну, удачи тебе, Дадиев», широко улыбнулся и ушёл.

После команды дневального «Рота, отбой», салаги быстро запрыгнули в кровати, словно ковбой на лошадей. Руслан даже не стал расправлять одеяло на постели и пошёл в умывальную комнату. Через пару минут он услышал громкий голос Кравцова: «А ну, духи, построиться!» Послышались звуки спрыгивающих на пол ног, и опять голос Кравцова: «А где это чмо – новенький, а?»

«Ну, всё, – подумал Руслан. – Время пришло. Пора отвоёвывать место на первом ярусе». Он неторопливо вернулся в расположение кубрика и увидел вытянувшихся перед Кравцовым новобранцев.

– Так, все четверо – быстро в кровать. Больше никаких «вождений» не будет, никогда, – сказал Руслан.

– Что ты сказал? – слышались голоса «дедов», которые стали медленно выползать из своих кроватей, словно из нор.

– Что слышали, – ответил Руслан и подошел к перепуганному Витьку, чтобы его успокоить.

Краем глаза он успел заметить, как Кравцов приблизился и замахнулся, пытаясь ударить его по голове. Руслан ловко пригнулся, рука Кравцова пролетела мимо, и следующим движением Руслан врезал ему в челюсть. Тот рухнул на пол без чувств. Следующим подскочил другой сержант, но он даже не успел сжать кулаки – Руслан отправил его на пол таким же ударом.

На минуту воцарилась тишина. Больше никто не посмел подойти к Руслану. Нарушив тишину, он ещё раз велел Виктору и остальным идти спать. А сам, спросив, где кровать Кравцова, устроился на ней. Отвернувшись к стене, Руслан улыбнулся, подумав, что произошедшее порадует капитана Гончарова, и почему-то вспомнил фразу «Мы ждем перемен» из песни Цоя. Он прокручивал песню в голове раз за разом и уже почти заснул, когда услышал голоса. Не оборачиваясь, он стал прислушиваться. Говорил Кравцов. «Пацаны, мы чё, зря „летали“ год, чтобы вот так вот, какой-то... – Кравцов хотел было уже обматерить Руслана, но его челюсть словно напомнила ему: „будь осторожен“, поэтому он использовал непривычное для „дедов“ слово: – ...какой-то молодой с первого же дня всё испортил».

Говорил он это с некоторой опаской, что не могло не сказаться на других «стариках». Кто-то из них сказал: «Слушай, парнишка, сто процентов, – боксер. Ну, запинаем мы его, понятное дело, четырнадцать против одного, тут базара нет. Но он же нам по одному жизни не даст, это как пить дать. Ты просто не видел, как он тебя рубанул – прям как в кино, и Салькова тоже. Давай потерпим недельку. Там Рыжий с отпуска вернется. Я думаю, он салагу быстро на место поставит. Тем более что парень из Грозного. А Кутуев, помнишь, как Рыжего мучил? Мучил-то он его по делу, но всё равно, Рыжему не легче от этого. Дадим ему знать, что парень из Грозного, думаю, больше и говорить-то ничего не придётся. А если расскажем, что на „дедов“ руку поднял, он его просто похоронит».

Руслану стало ясно, что теперь надо будет разобраться с Рыжим. «Ну и ладно, – подумал он. – Рыжий так Рыжий. Пусть вернется из отпуска, там видно будет».

...Капитан Гончаров всегда прибывал в роту за десять минут до подъема. Первым делом он будил сержантский состав, давая им умыться, а ровно в шесть часов уже кричал: «Рота, подъём!». Из сержантов первым он будил Кравцова. Тот, хоть и не пользовался уважением Гончарова, был весьма исполнительным. Однако на этот раз, подойдя к кровати Кравцова,

капитан не мог поверить своим глазам – на ней спал Дадиев. Резким толчком он разбудил Руслана. Тот повернул голову и увидел широко улыбающегося Гончарова:

– Ну, ты, земляк, даешь... – в голосе капитана слышались восхищение и одобрение.

Довольный Гончаров отошёл от Руслана, как будто он был не в курсе произошедшего, и послал дневального, рядового Чельшева, разбудить сержантский состав.

Следующую неделю Руслан был занят тем, что постигал воинские азы. Дни летели как минуты. В один из дней, воспользовавшись случайно выпавшими свободными минутами, Руслан прилёг на кровать и не заметил, как уснул. Ему приснилось, как огромный коршун вцепился когтями ему в шею, так что он не мог даже вздохнуть. От неожиданной боли он открыл глаза и увидел над собой незнакомое перекошенное злобой лицо. Этот человек с огромной силой сжимал его шею. Руслан попытался подняться и оттолкнуть противника от себя, но тот нависал неподвижно, как гора. Незнакомец был двухметровым великаном, весом более сотни килограммов. Руслан таких никогда не видел. Нет, он, конечно, видел баскетболистов по телевизору, но таких, чтобы и высокий, и здоровый, таких – нет. И самое неприятное было то, что знакомство с подобным человеком начиналось именно так.

Весь покрытый веснушками, обнажённый по пояс, великан выглядел устрашающе. Не говоря ни слова, он одной рукой оторвал Руслана от кровати и понёс к стене. Задыхаясь, Руслан видел только его искажённое злобой лицо. Громила прижал Руслана к стене, и казалось, что он может так стоять сколько угодно долго, не чувствуя усталости. Сквозь туман в глазах Руслан видел радостно ухмыляющиеся лица «стариков». Ещё бы, они ведь так ждали этого момента, ждали, когда кто-нибудь поставит «высочку» на место. Больше Руслан ничего не видел и не слышал. Громила так бы и держал его до конца, но кто-то из толпы сзади него сказал: «Рыжий, он синееет, отпусти, а то умрёт».

...Руслану почудилось, будто над ним склонился ангел с крыльями. В этот момент он пришёл в себя. Он лежал на полу и не мог понять, где он и что случилось. Подняв голову, он увидел огромного человека, с наглой ухмылкой стоящего над ним, словно над поверженным зверем. И тогда память стала возвращаться. Заметив за спиной Рыжего довольного Кравцова и других, Руслан вспомнил всё, что произошло. Он не видел на лице Рыжего ни малейшего сожаления и понял, что этот монстр мог запросто убить его. И тогда в сердце Руслана проснулась такая сумасшедшая ненависть, какой он не испытывал никогда в жизни. Он на секунду присел на корточки и потом рванул что есть сил в сторону. Солдаты дружно заржали, но их смех прекратился, когда Руслан подбежал к дневальному и резким движением вырвал у того штык-нож, не дав солдату даже опомниться.

Когда Руслан направился к Рыжему, его глаза были безумными, полными крови и злости. Кто-то успел крикнуть: «Пацаны, атас!». В секунду все разбежались, и Рыжий на мгновение остался один. Затем он заверещал от страха и запрыгнул на второй ярус. Но Руслана это не остановило. Он ничего не видел, кроме своей мишени. Рыжий попытался скрыться, прыгая с кровати на кровать, а потом побежал к выходу из казармы... Так, крича во всю глотку, они и бежали через весь двор, не замечая десятков пар удивлённых глаз, наблюдающих за этой сценой. Вдруг кто-то неожиданно остановил Руслана и резким движением выбил у него из рук нож. Руслан увидел перед собой высокого статного офицера. Это был капитан Власов – гордость всей воинской части.

– Вы что, с ума сошли, солдат? – спросил капитан.

Только после этих слов Руслан опомнился и вдруг понял, насколько близок он был к совершению преступления.

– Простите меня, товарищ капитан, – сказал Руслан, очень медленно поднял с земли нож и, молча, словно робот, побрёл в казарму. Он уже не думал о том, что могло случиться с ним, – все его мысли занимал Рыжий. Руслан не знал ни имени своего врага, ни фамилии, всё, что он

знал, это кличка – «Рыжий», и что он, Руслан, хотел его убить. Вернувшись в расположение роты, он тут же вернул нож дневальному.

– Ты, Руслан, красавчик, но я думал – тебе кранты!.. – Встретил его в казарме возбуждённый Витька. – Он, тварь, если бы не крикнули, что ты посинел, он бы тебя задушил! Ты знаешь, какой ты был синий, а?

– Витёк, а я ведь мог его убить, представляешь? Я мог действительно его убить. Не могу поверить.

– Да его мало убить, тварь такую! Я видел, как ты спал, а он, падла, даже не разбудил тебя. Гад, схватил за шею и стал душить. Не, он подлая тварь, однозначно.

– Нет, Витёк, подожди. Так не должно быть. Я имею в виду, убийство человека – это большой грех. Я не смог бы дальше спокойно жить, если бы я его убил, – сказав это, Руслан почувствовал, как ком подкатил к горлу. – Витёк, я никогда... я не могу никого убить.

Тем временем, Рыжий, уже убежавший достаточно далеко, чтобы понять, что погони за ним больше нет, отдышался. Подумав немного, он твёрдо решил, что не оставит это безнаказанным, а выберет момент и отомстит.

Через час капитан Гончаров влетел в расположение роты и приказал Руслану явиться в канцелярию.

– Так, я знаю всё, что произошло. Сейчас я должен идти к командиру части с докладом по поводу данного происшествия. Я-то знаю, что ему скажу, и про тебя, и про Каргина, Рыжего. Потом он вызовет тебя, а ты молчи и слушай его. Рыжего я постараюсь убрать из нашей роты. От него только проблемы. Я пожалел его и отправил в отпуск, потому что у него отец умер. Но он уже порядком всем надоел – и «дедам», и молодым.

Когда Гончаров вернулся от командира части, чувствовалось, что за этот инцидент он получил по полной программе.

– Дадиев, я ему всё рассказал, и относительно того, кто ты, и кто такой Рыжий. Так что иди сейчас к нему, он тебя ждет. Сразу же, как положено, честь отдай, ну и, в общем, ты знаешь... Давай, с богом!

Руслан, как и ротный ранее, спешно почистил сапоги, поправил форму и пошёл в сторону штаба. Подойдя к дневальному, он спросил, где кабинет командира части и, глубоко вздохнув, постучал в дверь. С той стороны раздалось громкое армейское: «Войдите».

Руслан строевым шагом вошёл в кабинет командира части, приблизился к столу:

– Товарищ подполковник, рядовой Дадиев по вашему приказанию прибыл.

Гундарев, не глядя в сторону Руслана, подписал пару документов, аккуратно сложил их в папку и только после этого произнёс: «Вольно».

– Я смотрел твоё личное дело, так что буду краток, – сказал Гундарев. – Я сам детдомовский, а ты, хоть в детдоме и не рос, но тоже сирота. Я был солдатом, пошёл в военное училище, стал офицером и дослужился до командира части. Любой солдат для меня как сын. Так вот, за свою двадцатипятилетнюю офицерскую службу я ни одного солдата не отправил ни в тюрьму, ни в дисбат. Ошибки делают все, я это понимаю. Когда я ещё был майором, шесть лет назад, я готов был посадить одного солдата, и он был, как ты, чеченцем. Ты сегодня мог убить человека, а он – никого не убил. Он, в принципе, не совершил никакого преступления. Этот сержант был дежурным по столовой, а я был дежурным по части. Так вот, он проспал всю ночь, а его подчинённые не навели в столовой порядок. Утром, увидев это, я сказал ему перед всеми: «Если твои солдаты не смогли убраться – бери тряпку со шваброй и мой сам». Ему оставалось служить всего один месяц. Естественно, он сказал, что никогда этого не делал и делать не будет. Тогда я его припугнул, сказав, что пойдёт по статье за неисполнение приказа, а он спокойно ответил: «Да хоть расстреливайте, но мыть полы никогда не буду». Этим он поставил меня перед сложным выбором. Мне следовало либо найти для него выход из ситуа-

ции, либо мне пришлось бы отдать его под суд. Я попросил солдат, тех, кто работал в столовой, принести ведро с водой и тряпку, закатал рукава и стал мыть пол. Я видел его лицо, вскоре он не выдержал и крикнул, чтобы ему тоже принесли тряпку. И мы вдвоём помыли полы, на пару – майор и сержант. Я уверен, такое было в его жизни в первый и последний раз, он был грозой части, но и я был близок к тому, чтобы поступить по всей строгости закона. Когда он демобилизовался, я сам лично пришёл его провожать, обнял и дал рекомендацию в институт. В общем, зачем я тебе это рассказываю? Судя по тому, как ты учился в институте, я могу сказать, что ты, если захочешь, можешь далеко пойти. Жизнь до сих пор тебя не баловала, и я думаю, что ты это понимаешь. Короче, суть сей басни такова – ты можешь попасть в тюрьму или в дисбат очень легко. Я этого – не хочу. Если офицеры или сержанты тебе прикажут что-либо сделать, а ты откажешься, тебя могут посадить. Чтобы этого избежать, я присваиваю тебе звание младшего сержанта. У тебя есть возможность отказаться, но потом ты можешь попасть в такую же ситуацию, как сегодня. Да и ротный твой, капитан Гончаров, будет рад, если узнает, что я присвоил тебе звание младшего сержанта. Ну что, согласен быть сержантом?

– Так точно, товарищ подполковник! – ответил довольный Руслан.

– Обычно это делается по большим праздникам перед строем, но у нас сегодня случай исключительный, – впервые с начала разговора Гундарев улыбнулся. – И для таких исключительных случаев у меня приготовлены погоны с двумя полосками. – Гундарев достал из ящика стола погоны младшего сержанта и протянул Руслану.

У Руслана в жизни было много разных моментов – приятных и неприятных. Сейчас на душе у него было как у ребёнка, который наконец-то получил долгожданную игрушку. Он уже успел присмотреться и почувствовать, что такое армия, успел сделать выводы. Он, конечно, думал о том, что неплохо было бы стать сержантом, но так быстро получить звание, да ещё из рук самого командира части... такого он не ожидал. Теперь Руслан твёрдо знал, что в его силах многое изменить в роте: в первую очередь, искоренить дедовщину.

Взяв из рук Гундарева погоны, Руслан замялся, не зная, что делать дальше. Гундарев решил сам разрядить обстановку:

– Ну, что, Дадиев? Десяти минут тебе хватит, чтобы перешить погоны? Или мне за тебя это сделать, а? – Гундарев, лукаво улыбаясь, посмотрел на Руслана, словно напоминая о том случае, когда он мыл пол за подчинённого.

– Так точно, товарищ подполковник!

– «Так точно» – что, Дадиев? Перешить за тебя погоны? – улыбаясь ещё шире, переспросил Гундарев.

– Никак нет, товарищ подполковник, я сам всё сделаю!

И они с уважением посмотрели друг на друга, словно отец и сын. Начиная с этого момента Руслан начал испытывать к Гундареву чувства, которые в действительности может испытывать только сын к отцу. Гундарев отвечал ему тем же. Он был хорошим человеком, и ко всем относился одинаково, что к солдатам, что к офицерам. Никто не чувствовал в нём ни малейшей надменности, высокомерия.

Оставив Руслана в кабинете, Гундарев вышел. Вернувшись через десять минут, он застал Руслана уже с новыми сержантскими погонами. Подойдя к Руслану, он встал напротив него и отдал честь:

– За хорошую и безупречную службу, рядовой Дадиев, награждаю вас внеочередным воинским званием младшего сержанта.

– Служу Советскому Союзу! – громко и чётко произнес Руслан.

От Гундарева он сразу пошёл к Гончарову. Увидев Руслана с погонами младшего сержанта, тот на секунду оторопел, но потом перешёл к делу:

– Так, Дадиев, ты мне бутылку водки должен! Понял?

– Так точно, товарищ капитан!.. Не понял?..

– Так понял или не понял?

– Не понял, товарищ капитан. А за что?

– Ты тут набедокурил, понимаешь ли. Я втык от командира получил, а ты – погоны сержантские. Как-то несправедливо это, а?

Гончаров ожидал, что после этой шутки Руслан засмеётся, но тот вдруг погрузился в свои мысли и даже побледнел.

– Дадиев, что с тобой?

– Да я... я просто подумал, что, если бы Рыжий не убежал... ведь я мог его убить. Я почти настиг его. Он ведь был в шаге от меня, когда вмешался этот капитан. Словно всё моё будущее решалось этим шагом – попаду я в тюрьму или получу погоны, – Руслан замолчал, опустив голову.

– Этот капитан, Власов, – мой друг ещё с военного училища. Так что эту бутылку ты нам с ним должен. Он, гадина такая, во всём лучше, чем я, и рота у него всегда передовая. Правда, водки, сколько я, выпить не может, – Гончаров засмеялся, пытаясь увести Руслана подальше от плохих мыслей. – Но я надеюсь, что с твоей помощью моя рота будет лучше, так что я смогу на выходных спать спокойно и не переживать, что кому-то челюсть сломали, или кого-то пьяного в самоволке поймали. Ну что, Дадиев, справишься ты с этим?

– Так точно, товарищ капитан, справлюсь!

– Через несколько дней я уберу Рыжего из роты. Постарайся не попадаться ему на глаза. В общем, сделай всё, чтобы больше не было никаких конфликтов. Договорились, Руслан?

– Может, не надо его переводить? Может быть, мы всё-таки найдём общий язык?

– Нет, Руслан. Общего языка вы с ним никогда не найдёте, это я тебе точно говорю. Ты думаешь и надеешься, потому что ты – человек. В нём же человеческого мало. Полгода назад он напился и начал выкручивать руку одному солдату, Шелепову, пока та не сломалась. Представляешь? Хруст был, говорят, не дай бог. Это был не первый и не последний случай. Оставив его в роте, я не смогу спокойно спать, а оставив тебя, уверен – смогу. Даже если ты не сделаешь ничего, он очень мстительный и подлый, и мне нужно развести вас по разным ротам. Так что это уже моя задача.

Как и говорил капитан, через десять дней Рыжего перевели в другую роту. Все вздохнули с облегчением, включая и «дедов», а Руслан стал командовать отделением. На следующий день Гончаров вызвал к себе Кравцова и Руслана:

– Товарищи сержанты, мы избавились от главной проблемы, но осталась ещё одна – это ваши отношения. Сейчас, при мне, вы оба дадите мужское слово, что с этого момента будете только помогать друг другу. Вы меня поняли? – Ответом было молчание. – Вы меня поняли?! – Гончаров повысил голос.

Оба сержанта в унисон произнесли: «Так точно, товарищ капитан!»

– Вот так-то лучше. Кравцов, ты до самого дембеля будешь замкомвзвода, понял?

– Так точно, товарищ капитан! – Кравцов был очень доволен, потому что, увидев Руслана в сержантских погонах, начал опасаться, что теперь он будет заместителем командира взвода и лидером роты.

Гончаров это прекрасно понимал, поэтому он заранее обговорил с Русланом все детали и просил его помогать Кравцову и взять на себя его обязанности только после его увольнения.

С этого момента в роте наступила благодать – синяки у солдат начали заживать, а новые не появлялись. Теперь все работали вместе и даже картошку в столовой чистили все – от новеньких до «дедов», включая Кравцова и Руслана. Вечерами все собирались в кубрике и пели песни под гитару. Гончаров мог спокойно оставаться на выходных дома с женой и детьми, зная, что его никто не потревожит.

Единственное, что его беспокоило, так это слухи о Рыжем: якобы, тот несколько раз говорил, что дождетя подходящего момента и поставит на место Руслана, а если надо будет, то и завалит, как волка. Это Гончарову не нравилось. Он знал, что Рыжий бывает невменяемым, когда напьётся.

Но вскоре эта проблема исчезла сама по себе, раз и навсегда: в одну из ночей вся часть была поднята по тревоге. Обычно такое бывало только в особо экстренных случаях, и связано было с соседями из Японии, но в этот раз всё было иначе. Четверых солдат нашли в кочегарке мёртвыми, предварительной причиной смерти было названо алкогольное отравление. Одним из погибших оказался Рыжий.

На следующий день Кравцов и Руслан зашли к Гончарову в кабинет.

– Товарищ капитан, мы здесь всей ротой собрали деньги для матери Рыжего. Может, отправите ей, мы ведь её адреса не знаем.

Гончаров встал:

– Чья это идея, Дадиев?

Руслан молчал.

Гончаров повернулся к Кравцову:

– Ну, Кравцов, говори, чья это идея?

– А это плохо или хорошо? – спросил Кравцов, не зная, говорить ему правду или нет.

Гончаров ничего не ответил и молча ждал. Кравцов решил, что надо говорить правду, тем более что поступок, на его взгляд, был хороший.

– Это Руслана была идея.

– Я так и знал, – сказал Гончаров. – Дадиев, слушай, зачем ты это делаешь, а? Он не был тебе ни другом, ни земляком, более того – он был твоим врагом. Точнее, он для тебя не был врагом, но ты был его врагом, он ненавидел тебя. Если бы он не умер, обязательно сделал бы с тобой что-нибудь плохое. Может, и убил бы, о чём он не раз говорил. И ты это слышал и знал. Может, бог тебя уберёт тем, что забрал его... Но зачем?.. Зачем ты это делаешь?

– Товарищ капитан, я слышал, у него осталась мама, очень старая.

– Да, а у тебя вообще никого нет. И что теперь? Многие о тебе думают?

– Товарищ капитан, неважно, что он хотел со мной сделать, – не сдавался Руслан. – Его мама потеряла сына – это большое горе. Ей эти деньги сейчас очень понадобятся – похороны, поминки, ну и мало ли для чего там...

Скоро трубопроводная рота стала гордостью воинской части – лучшей по всем показателям, и за шесть месяцев в ней не произошло никаких происшествий. Гундарев гордился этим и приводил роту Гончарова в пример всей части.

Кравцов и остальные дембеля увольнялись одновременно. Обычно бывало, что кто-то кого-то недолюбливал, кто-то припасал обиды на последний день. Но в этот раз ничего подобного не было. С приходом в роту Дадиева всё изменилось. И теперь все обнимались, прощались, вместе фотографировались на память. Все благодарили Руслана, а он лишь скромно опускал глаза.

Дембеля собрали деньги, и Кравцов протянул их Руслану. Последним Руслан попрощался с Сергеем Семёновым, якутом по национальности, самым маленьким солдатом в части. Сергей был из того же села, что и Рыжий. Руслан отвёл его в сторону и незаметно для других сунул купюры ему в карман, добавив ещё денег от себя:

– Слушай, Серёга, никому не говори, что я тебе отдал деньги, хорошо? Отдай их матери Рыжего.

Руслан хотел было уже отойти, но Семёнов остановил его:

– Русик, послушай, мой дед и прадед были шаманами. Когда мой дед умирал, он сказал, что его способности шамана перейдут ко мне. Пока я этого почти не чувствую, но у меня

бывают видения. Плохие видения. Мы, когда с Рыжим призывались, попали в одну роту, и через несколько месяцев я увидел его мёртвым. Это было давно, когда мы ещё салагами были, а ты даже не служил. Я ему рассказал, а он меня послал подальше. Что с ним случилось, ты знаешь.

– Понял. А мне-то ты для чего это рассказываешь?

– Понимаешь, Русик, я тебя во сне видел, истекающего кровью, ни живого, ни мертвого.

– Ладно, Серёга, не нагоняй жути. Понятно, мы все когда-нибудь умрём. Тут невозможно ошибиться даже без вещих снов.

– Да нет, Русик, я тебя видел молодого, в солдатской форме, в каких-то горах. В общем, береги себя.

Семёнов крепко обнял Руслана на прощание и пошёл к автобусу, где его уже ждали.

Следующие двенадцать месяцев пролетели быстро и незаметно. Прибывали новые солдаты и по традиции готовились к худшей участи уже в первые дни службы. Но ничего подобного, к их удивлению, не происходило. По крайней мере, так было в роте трубопроводчиков. А если отдельные случаи и были, то Руслан с Гончаровым умело их решали. В других ротах тоже было неплохо. Жизнь в воинской части шла своим чередом, пока один случай не нарушил её спокойный ритм:

Руслан был уже в звании старшины, ему оставалось служить меньше полугода. В тот день Руслан был дежурным по роте и читал в командирской комнате свежие газеты. Был первый час ночи, когда он сквозь открытую форточку услышал какие-то всхлипы. Вначале он решил, что ему показалось, но потом разглядел через окно смутную фигуру, медленно удаляющуюся в сторону трансформаторной – небольшого помещения на территории части. Руслан решил пойти следом.

Через дверную щель трансформаторной он увидел спину солдата, который приделывал к потолку веревку. Руслан передёрнулся, увидев, что тот делает на конце веревки петлю. Упав на колени и не переставая всхлипывать, солдат несколько раз перекрестился. Потом поднялся, пошёл в угол и откуда-то из-под брезента достал огромный топор. В этот момент в помещение вошёл Руслан.

Он никогда раньше не встречался с этим парнем и не знал, что это один из новичков, которых прислали в часть всего месяц назад. Сергей Абрамов был единственным сыном у родителей – профессоров прикладной математики Московского государственного университета, где он учился и сам. Но, когда ему исполнилось восемнадцать лет, паренёк всё же решил пойти в армию, хотя его родители и пытались помешать. К несчастью для Сергея, он попал в четвёртую роту, где командиром был старший лейтенант Круглов. Где бы Круглов ни служил, в его роте никогда не было порядка, зато часто царствовала дедовщина. Гундарев не любил его и потому не спешил представлять к капитанскому званию. Сам Круглов выводов не делал, а только становился злее, и всю злость вымещал на подчинённых. Вот и этой ночью он был пьян и спал в каптёрке, в то время как старослужащие издевались над новичками. После очередного издевательства, Абрамов, не выдержав унижения и в глубине души жалея, что не послушался родителей, решил свести счёты с жизнью.

Руслан встал в дверном проёме так, чтобы паренёк не смог выйти. Увидев Руслана, Сергей на несколько секунд оторопел, но потом сказал:

– Отойдите от двери, товарищ старшина, – голос его дрожал, как и он сам. – Отойдите, или я убью вас вместе с остальными.

– Ты не должен и не имеешь права никого убивать. Как тебя зовут?

– Сергеем меня зовут. Я вас очень прошу – отойдите, – он готов был расплакаться.

– Сергей, пожалуйста, успокойся и не делай глупостей, – Руслан медленно подошёл к Абрамову, приобнял его и быстрым движением отнял топор.

Солдат медленно осел на колени и снова начал всхлипывать. Он хотел зарубить спящего Круглова и нескольких старослужащих из числа сержантов, а потом прийти в трансформаторную и накинуть на себя петлю. Таков был его план. После десяти минут разговора Руслану удалось убедить Сергея, что можно найти другое решение, и они оба направились в четвертую роту.

– Кто? – спросил Руслан, когда они пришли.

– Вон та, вторая кровать от стены. Сержант Денисов, – сказал Сергей.

Руслан медленно подошёл к кровати. Спящего там солдата Руслан видел много раз, но лично знакомы они не были. Руслан толкнул его пару раз и, увидев, что тот проснулся, присел на край кровати:

– Вставай, поговорить надо.

Недовольный Денисов, конечно, послал бы куда подальше кого угодно, но только не Руслана.

– В чём дело?

– Несколько минут назад тебя должны были убить вот этим топором, – сказал Руслан, продемонстрировав оружие Денисову. – Мне благодарности не надо, но этого парня больше никто не тронет, – он указал на Сергея. – А кто попытается, будет иметь дело со мной. Всё понятно?

Руслан внимательно посмотрел Денисову в глаза.

– Слушай, Руслан, нас «деды» заставляли ходить голыми ногами по раскаленным трубам, кожа к ним прилипала. Но нам и в голову не приходило их убивать. Да что за молодёжь пошла, а? – говоря это, Денисов постепенно повышал голос, так что теперь его было слышно на всю роту. Многие проснулись и слышали их разговор.

К несчастью, в этот момент проснулся и командир роты Круглов. Он собирался сходить по нужде, но сначала привычным движением налил себе очередные сто граммов, выпил залпом и тут услышал громкий разговор в роте. Круглов вышел из каптерки босиком и, пошатываясь, направился посмотреть, что за шум.

Руслан и Денисов, увидев его, замолчали, но было уже поздно. Приблизившись, Круглов сразу узнал Руслана. Руслан был особенно неприятен ему, потому что был из роты Гончарова, где показатели труда и дисциплины всегда были лучшими в части. И сейчас, увидев Руслана, Круглов решил отомстить Гончарову:

– Ты кто такой? – голос Круглова был полон ненависти, как и его пьяные красные глаза.

– Я старшина Дадиев из трубопроводной роты, товарищ старший лейтенант, – Руслан, наоборот, говорил вежливо и уверенно.

– Тогда пошёл вон, ублюдок, пока я тебя не порвал, как тузик грелку! – сказав это, Круглов схватил Руслана за воротник и потянул его к выходу из казармы.

Руслан ловко вывернулся и заломил командиру руку за спину. Круглов ответил новым потоком ругани. Когда он назвал Руслана «сучьим сыном» и помянул его мать, у того мгновенно помутился разум. Одним движением он развернул Круглова и что есть силы ударил его в нос. Круглов упал как подкошенный. Кто-то включил в казарме свет, Круглов лежал без чувств. Кровь залила пол. Вся рота уже была на ногах. На минуту воцарилась тишина. Кто-то сказал: «Хана тебе, Дадиев, это тюрьма».

Только после этих слов Руслан пришёл в себя и понял, что натворил. Он не успел даже подумать, что делать дальше, когда услышал голос Абрамова:

– Руслан, зажмурь глаза. Очень крепко.

– Зачем?..

– Я тебя прошу, Руслан, на несколько секунд!

Руслан не знал, что делать, поэтому не стал спорить. Он закрыл глаза, и тут же что-то с ужасающей силой ударило его по лицу. Руслан никогда не получал удар такой силы, – он

свалился на пол и тут же схватился за голову. Кровь шла у него из носа, губ, щек и даже лба. А перед ним с табуреткой в руках стоял Сергей, чью жизнь Руслан спас менее часа назад. Недоумение Руслана мгновенно сменилось ненавистью. «Не делай добра, не будет зла», – подумал он и, вскочив на ноги, в ярости бросился на Абрамова.

Сергей, отбросив табуретку, со всех ног побежал прочь. Пытаясь догнать Абрамова, Руслан выкрикнул все ругательства, какие только пришли ему на ум. А Сергей, продолжая нестись во весь дух, задыхающимся голосом пытался оправдаться:

– Руслан, теперь всё будет в порядке. Теперь надо, чтобы все подтвердили, что это Круглов тебя избивал, а ты, защищаясь, ненамеренно ударил его по лицу.

Наконец, до Руслана дошло. Он был поражён, что Сергею за считанные секунды удалось придумать весь этот план. Он прекратил погоню и, тяжело дыша, пошёл в умывальную комнату. Взглянув в зеркало, он не узнал себя – настолько опухло его лицо. В дверях появился Абрамов. Он собирался что-то сказать, но, посмотрев на Руслана, в ужасе выдохнул: «Боже мой!».

– Да ладно, не бери в голову, Серёга, через неделю заживёт, – успокоил его Руслан. – Ты лучше скажи, что дальше? Что будем делать?

– Короче, Руслан, во-первых – прости меня, во-вторых – вся наша рота сейчас подпишет бумагу, что это Круглов первый на тебя напал, а ты, защищаясь, разбил ему губу. Он всё равно пьяный в стельку, как очнётся – вообще не вспомнит, что произошло. Сейчас, главное, надо быстро доложить об инциденте твоему ротному.

Уже давно никто не звонил Гончарову ночью. Он услышал звонок сквозь сон и подумал, что это кто-то с его родины, из Грозного, перепутал часовые пояса, и звонит, думая, что здесь день. Не открывая глаз, он потянулся к трубке:

– Алло?

– Товарищ капитан, это Дадиев. У нас ЧП.

Через полчаса Гончаров прибыл в расположение четвертой роты.

– Боже мой, Русик, ну и рожа у тебя. Тебе пять месяцев осталось, дотяни, родной.

Ещё через полчаса прибыл командир Гундарев. Как только он вошел в казарму, дневальный во весь голос гаркнул: «Смирно!». Скомандовав: «Вольно», Гундарев тут же направился к Гончарову. Он узнал Дадиева только по погонам, потому что Руслан был в части единственным солдатом в этом звании.

– Дадиев?.. Что случилось? – Гундарев был удивлён и обескуражен.

Больше всего Руслан ненавидел ложь. Об этом знал и Гончаров, поэтому он решил взять ситуацию в свои руки:

– Да, товарищ подполковник, это он. Я и сам его не сразу узнал, так его изуродовал старший лейтенант Круглов только из-за того, что парень зашёл в их роту поздороваться с ребятами.

Гундарев перевёл взгляд на солдат. Те согласно закивали, подтверждая слова Гончарова.

– А где он сам, Круглов-то? – спросил Гундарев.

– Да там, пьяный в стельку. Лежит в каптёрке и даже толком не помнит, как избивал Дадиева, – Гончаров старался говорить уверенно.

Командир определился моментально:

– Дайте Круглову отоспаться и прийти в себя, а утром позвоните на гауптвахту, чтобы его забрали на семь суток.

Десять дней спустя после этих событий капитан Гончаров был вызван в штаб для серьёзного разговора. Вернувшись, он приказал Руслану построить роту для важного сообщения:

– Товарищи солдаты, российским войскам в Афганистане нужна дополнительная помощь. Нашей роте трубопроводчиков выпала честь направить солдат для выполнения интернационального долга и помощи афганскому народу. Так как мы единственная рота на острове Сахалин, все туда направлены быть не могут. У нас три отделения по десять человек. Итого – тридцать. Отделение Виктора Ченцова в полном составе через три дня вылетит спецрейсом в Ташкент, а далее – в Афганистан. Здесь останутся отделения Дадиева и Горохова.

Услышав эту новость, Виктор Ченцов побледнел и опустил голову. Тем же вечером перед сном он позвал Руслана на разговор:

– Русик, после отбоя я уйду в самоволку и не вернусь. Будет объявлена тревога, а через несколько дней, когда найдут, меня отдадут под трибунал, потом или тюрьма, или дисбат. Такие вот дела...

– Витёк, ты что, сдурел, что ли? Ты что несешь?

– В Афган я не пойду ни за что! Знаешь, восемь месяцев назад у меня умерла мама, поэтому я ездил в отпуск. Я теперь один, у меня нет никого, кроме жены Лены. Мы с ней всю жизнь вместе. Вместе закончили десять классов, сидя за одной партой. Между нами даже ничего не было, пока мы не обвенчались восемь месяцев назад. Через месяц она должна родить. Через месяц я стану отцом. Служить осталось пять месяцев. Если уйду в Афган – могу не вернуться живым, и тогда Лена с ребенком останутся одни. Лена потеряла отца, когда ей было два года, а мама её умерла перед тем, как я ушёл в армию, и...

Руслан перебил его:

– Подожди, Витёк, я всё понял. Не продолжай. Дай мне пару минут, – Руслан опустил голову, размышляя. «Наверно, это судьба, – подумал он. – Судьба попасть в Афган». Все эти месяцы он чувствовал себя виноватым, что поддался уговорам Воронина в военкомате. Теперь он понял, что это знак свыше, и это его шанс. Шанс выполнить свой «интернациональный долг», пускай хотя бы всего на пять месяцев службы. Если вернётся живым, то сможет сказать себе, что сделал всё возможное, а иначе все, кто не вернулся оттуда, будут стоять у него перед глазами, говоря ему: «На нашем месте мог быть ты».

Он вспомнил, что полгода назад получил письмо от одноклассницы – Юли Гореловой. Она писала, что её парень, Игорь Ковтун, погиб там, в Афгане. Игорь был другом Руслана. Они с семи лет занимались боксом у одного тренера... Пожалуй, Руслан даже был рад, что Ченцов отказывается ехать в Афган. Это был его, Руслана, шанс.

– Витёк, я знаю, что ты мне доверяешь, правильно? – Ченцов, не задумываясь, кивнул головой. – Я сейчас тебе скажу кое-что. Твоё дело слушать меня, не перебивая, и согласиться. Договорились? – Ченцов не возражал. – Витёк, я хотел попасть в Афган, но не получилось. Твою ситуацию я понимаю очень хорошо. Буду краток – мне нужно в Афган, а тебе нет. Я всё устрою. Осталось два дня. Ты молчи, никому ни слова, особенно ротному. Он меня не отпустит и должен будет всё узнать лишь в день отправки. Я всё улажу с командиром части. Это окончательно.

На следующее утро Руслан, не торопясь, направился в штаб. Остановившись перед кабинетом Гундарева, он поправил форму и, внутренне настроившись на нелёгкий разговор, постучал в дверь.

– Ну, старшина Дадиев, рад тебя видеть. С чем пришёл? – спросил, улыбаясь, как обычно, Гундарев.

– Товарищ подполковник, я к вам по очень важному делу.

– По важному? – улыбка на лице Гундарева исчезла, взгляд стал серьёзным. Он сел за стол и жестом указал Руслану место напротив. Руслан опустил голову, не зная, с чего начать этот разговор. – Давай, Руслан, не переживай, говори спокойно.

– Товарищ подполковник, через два дня десять человек из нашей роты отправляют в Афганистан.

– Насколько мне не изменяет память, – ты туда не едешь.

– Да, в том-то и вся проблема.

Гундарев удивлённо посмотрел на Руслана:

– Почему проблема?

– Товарищ подполковник, я хочу туда поехать.

– Ты хочешь в Афган? Зачем? Тебе осталось служить всего пять месяцев.

– Я знаю, товарищ подполковник... Это сложно объяснить. Дело в том, что... В общем, товарищ подполковник, мне надо в Афган! Туда должен отправиться Ченцов, но он не может. Это... поверьте, мне очень нужно. Давайте решим всё здесь и сейчас. Вы же знаете, что от вас многое зависит, и, если вы дадите разрешение, я смогу поехать. Капитан Гончаров сделает всё, чтобы удержать меня. Я прошу вас, товарищ подполковник, помогите мне попасть в Афган!

Гундарев медленно встал из-за стола и подошёл к Руслану. Руслан тоже поднялся – согласно кавказскому этикету, следует вставать, когда встают старшие, и садиться, только если разрешат. Гундарев по-отечески обнял Руслана:

– Знаешь, Руслан, я тебе так скажу... Детство у меня было тяжёлое. Я рассказывал тебе, что я вырос в детдоме, и вся моя жизнь была – борьба. У меня был выбор – или стать преступником, как многие из детдомовских, или человеком. Я постарался стать человеком, и уважаю тех, кто стремится стать человеком, творить добро. Я вот смотрю на тебя и жалею, что ты не мой сын. Видит бог, я очень ценю тебя как человека. По идее, я должен помешать тебе уйти в Афган, но чисто по-человечески – я не могу тебя останавливать. Я в очередной раз убедился, какое у тебя большое сердце. Уверен, ты думаешь, что тебе хочется в Афган: может это так, а может, нет. Но я также уверен, что ты делаешь это, чтобы помочь Ченцову. Почему – я не знаю, но, если ты сказал, что Ченцов не должен туда ехать, значит, на то есть причина. В общем, сынок, я внесу изменение в список, и вместо Ченцова поедешь ты.

В день отправки все чувствовали себя по-разному – одни горевали, другие радовались. У каждого на то и другое были свои причины. Руслан вёл себя как обычно. «Это просто жизнь, – думал он, – сейчас просто начинается новый этап в жизни, и кто знает, что он принесёт».

Ченцову где-то в глубине души было неуютно, что события повернулись таким образом, но он понимал, что это действительно был лучший выход для него. И, возможно, для Руслана... Во всяком случае, он хотел в это верить.

С утра после завтрака командир Гончаров построил роту:

– Ну что, родные мои, сегодня десять человек отбывают. Не знаю, может быть, мы больше никогда не увидимся, возможно, кто-то не вернётся, но об этом не хочется говорить. Единственное, о чём я хочу сейчас сказать, – не посрамите честь водопроводчиков, честь нашей роты, – и он повернулся к Ченцову, ещё не зная о произошедших изменениях: – Старший сержант, собирайте отделение. Я пойду в штаб, оформлю документы, когда вернусь, чтобы все были готовы к отправке.

Всю недолгую речь Гончарова Ченцов слушал, опустив глаза. Ему было не по себе, потому что он обманул командира, но что-либо объяснять уже было поздно. Более того, он обещал Руслану, что будет молчать.

Руслан подошел к окну, из которого был виден штаб и стал смотреть, что будет дальше. Он видел, как Гончаров быстрой походкой вошёл внутрь, а через десять минут вышел и почти бегом направился в сторону своей роты. «Ну, всё, теперь он знает, сейчас начнётся самое интересное», – подумал Руслан и крикнул Ченцову: «Гончаров возвращается. Витёк, ты лучше удались куда-нибудь, чтобы он тебя не видел, я с ним сам поговорю».

Приближаясь к роте, Гончаров перешёл на бег, взлетел по ступенькам, выкрикивая: «Где он?! Где он?!». Руслан прекрасно понимал, что речь идет о нём, поэтому не стал прятаться:

– Я здесь, товарищ капитан.

Гончаров обеими руками схватил Руслана за грудки и закричал: «Ты зачем это сделал?! Тебе нельзя туда! Ты сирота, я тебе уже миллион раз говорил! Тебе что, больше всех надо?! Ты понимаешь, что можешь оттуда не вернуться?! Ты что, идиот?!». Он тряс Руслана из стороны в сторону, а тот не сопротивлялся, лишь безучастно смотрел куда-то в пустоту. Когда злость Гончарова чуть улеглась, Руслан сказал:

– Товарищ капитан, простите, но так надо.

К двум часам дня отделение было готово к отправке. Попрошаться пришла вся часть, в такую даль отсюда направляли впервые. Все понимали, что кто-то из ребят может погибнуть.

Гончаров по-отцовски обнял каждого, а Руслану ещё сказал:

– Я служил со многими солдатами, многих я помню в лицо, многих по фамилии, ты – один из тех, кого я буду помнить всегда. Береги себя, Руслан, и береги своих подчинённых.

Он обнял Руслана, в его глазах читалась укоризна, но он уважал решение Дадиева.

– Руслан, я хотел с тобой поговорить. Давай отойдём в сторону...

Руслану было тяжело смотреть в глаза Гончарову. Ему казалось, что он подвёл командира, но, с другой стороны, он чувствовал, что поступил правильно.

– Руслан, я понимаю, что Ченцов остается не просто так. Почему ты это делаешь? Ты всегда слишком добр к окружающим...

Руслан, улыбаясь, посмотрел в глаза Гончарову:

– А разве можно по-другому? И как это – по-другому, товарищ капитан?.. – Он выдержал паузу, собираясь с мыслями, а потом заговорил снова: – Товарищ капитан, я – чеченец, обычно у нас бывают большие семьи, но у меня были только отец и мать и больше никого. Мне было семь лет, когда я подрался с одним мальчиком. Он был сильнее и побил меня. Я пришёл домой, отец посмотрел на меня и сказал: «Теперь ты понимаешь, как иногда тяжело приходится в жизни? Но я хочу, чтобы ты оставался добрым, несмотря ни на что. У тебя никого нет, кроме нас с мамой, и ты должен самостоятельно выжить, когда нас не будет. Поэтому я тебя прошу – делай людям добро. Я хочу, чтобы после моей смерти люди подходили к тебе и говорили, что у тебя был хороший отец. Это всё, что нужно. Похороны – это финал земной жизни, там всё становится ясным. Очень трудно говорить хорошие слова о человеке, который жил неправильно. И часто люди просто выполняют свой долг, когда хоронят его. Но если человек прожил жизнь правильно, то люди охотно поминают его добрыми словами». В семь лет отец отвел меня в секцию бокса, и уже со второго класса меня никто не мог обидеть, но он не разрешал мне никого бить, поэтому с самого начала у меня всегда было так – я помогал, защищал девочек, слабых. Слова отца остались у меня в памяти на всю жизнь. Мне было девять лет, когда мои родители погибли в аварии, на похоронах я стоял молча, а люди подходили ко мне, обнимали, утешали и говорили: «Руслан, у тебя был очень добрый, отзывчивый и хороший отец, и да будет на то воля Всевышнего, ты тоже вырастешь таким, как он»... Поэтому, товарищ капитан, по-другому я не могу. Я знаю, что доброта, отзывчивость – это то, что двигает человека в правильном направлении, и такого человека Всевышний не оставит в любой ситуации...

Гончаров слушал его, и ему нечего было возразить. Он и сам хотел бы так жить, но у него не получалось. Поэтому он с искренним интересом смотрел на того, кто, будучи гораздо моложе его, в очередной раз научил его чему-то хорошему.

– Ну, Руслан, давай обнимемся... Мы с тобой обязательно встретимся в Грозном, я в это верю. Это же наша родина. Куда мы с тобой друг от друга денемся?.. Давай, братишка, – он говорил уже не как командир роты, а как близкий человек. Они крепко обнялись и стояли так, раскачиваясь, минуты две. И, как всегда, Гончаров не мог не пошутить: «Смотри, если там, в Афгане, погибнешь, домой не приезжай, я тебя сам лично убью за это, понял?!» – и они рассмеялись.

– Ладно, товарищ капитан, удачи. Я думаю, всё будет нормально. Как приедем, разместимся, мы вам напишем и фотографии пришлём. Бывайте.

Последним к Руслану подошел Ченцов. Ему было очень тяжело, и Руслан его понимал:

– Витёк, не бери в голову, спасибо Всевышнему, что так получилось. Мне, действительно, надо туда. Всё будет нормально, а ты береги себя. Когда приедем, я тебе напишу. Наверное, к тому времени у тебя уже родится ребёнок. Ты служи, как все, возвращайся домой, в семью, и расти своего малыша.

– Знаешь, Руслан, если у меня родится сын, я – даю тебе слово – обязательно назову его Русланом, пусть он станет таким, как ты, и я буду самым счастливым отцом на свете!

В Афганистане Руслана и его подчинённых поставили под командование полковника Ляшенко. Их отряд следил за состоянием трубопровода на перевале Саланг. Тоннель, через который днём и ночью шли грузовики, располагался посередине между северной и центральной частями страны и был вырублен в горах, в окружении заснеженных вершин, на высоте более трёх километров.

К этому времени советская армия уже почти завершила выполнение основных боевых задач. Часть войск выводили, хотя спецподразделения ещё продолжали бороться с поставками оружия из-за рубежа. Это не делало службу менее опасной, – единичные нападения душманов продолжались по всему фронту, и тоннель Саланг всегда находился в зоне опасности. У трубопроводных войск, тем не менее, значительно больше сил уходило на борьбу с природой, а не с людьми, – в горах часто сходили лавины, поэтому трубы приходилось постоянно чинить.

В один из дней Руслан, как обычно, с несколькими трубопроводчиками и отрядом прикрытия, выехал на место аварии. До конца службы оставалось несколько дней, и, хотя афганской войне ещё предстояло идти годы, большинство трубопроводчиков возвращалось на гражданку.

– Хорошо вам, – заговорил Лёша Костриков из группы прикрытия. – Мы-то здесь ещё год куковать будем.

Руслан хмуро оглядывал снежные склоны. Горы Гиндукуша напоминали ему родной Кавказ. Может быть, эти не такие цветущие и без горных ручьев на каждом шагу, но тем не менее...

– Видишь себя уже дома, – угадал его мысли Лёша. – А я ещё десять раз могу на mine подорваться, и всё...

Машина остановилась. Солдаты направились к трубам, чтобы оценить ущерб.

– Не нужно беспокоиться, – спокойно сказал Руслан. – Ничего плохого с тобой не случится.

– Легко тебе говорить, – усмехнулся Костриков.

– Дело не в этом, – Руслан говорил отстранённо, глядя куда-то сквозь снега, сквозь камни, сквозь скалы. Куда-то далеко-далеко. – Просто ничего с тобой не случится. Я знаю. Потому что ты хороший человек.

– Знал я хороших людей. Несколько лет назад в нашем тоннеле Саланг по глупости целая рота перемерла, задохнувшись угарным газом, просто потому, что движки машин не заглушили. Мне просто повезло тогда, что я оказался недалеко от выхода.

– Значит, в этом был смысл.

– Не было в этом никакого смысла, – они уже не первый раз спорили на эту тему. – Просто иногда в жизни случаются идиотские вещи, и тогда умирают люди. Если в этом был какой-то смысл, то этот смысл – полный идиотизм!

Руслан вздохнул. Он не знал, как объяснить логически, но чувствовал, что он прав.

– Ничего с тобой не случится, – повторил он.

И в этот момент раздались выстрелы. Несколько солдат упали. Никто даже не успел сориентироваться, в голове у Руслана мелькнула мысль: «Засада!». Душманы, в первую очередь, снимали команду прикрытия, зная, что водопроводчики значительно менее опасны, поэтому не прошло и секунды, как упал и Лёша.

«Не может быть!» – подумал Руслан и кинулся к товарищу. Не обращая внимания на стрельбу, он принялся трясти его, судорожно вспоминая, чему его учили на уроках оказания первой помощи. А люди вокруг всё падали, пока не осталось всего шестеро водопроводчиков.

Тут Руслан услышал голос Лёши: «Не дёргайся!» – прошипел тот. – «Делай вид, что убит! Мы тут как на ладони!»

«Жив!» – Руслан с облегчением выдохнул. И тогда его отбросило назад.

Последнее, что Руслан ощутил, это боль в голове, когда он, падая, ударился о камни.

Глава 4. История Азиза

Порою в поиске своей мечты под солнцем
Мы ходим по миру, забыв покой и сон,
Лишь на мгновение, бывает, только вспомним
Свой край родной, уютный дом.
Но где-то в глубине живёт, мерцает
Тепло и свет любимых отчих стен,
И образ этот сердце согревает,
Покуда не пришёл тот самый день...
...Возможно, было предназначено судьбой,
В чужой земле найти предназначенье...
Но край родной, – уже совсем другой, —
В тебе лишь зрит своё спасенье.

Азиз никогда не был ярким патриотом. Словосочетание «родная земля» вызывало у него смутное ощущение чего-то устаревшего, скучного, закостенелого. Азиз вообще не любил смотреть в землю. Он любил звёзды.

Родившись в небольшом высокогорном кишлаке к северу от Кабула, Азиз уже в детстве приучился спать днём, а ночами пропадал где-то на перевалах, любуясь россыпями света над головой. Эта страсть приучила Азиза к внимательности, вдумчивости и терпению. Его способности скоро были замечены, и последние годы он доучивался уже в столице.

Шли тридцатые, Афганистан, освободившийся от британского владычества, при поддержке Советского Союза налаживал мирную независимую жизнь.

Но Азиз почти не смотрел по сторонам, его родители видели сына только когда он приезжал домой со складным телескопом и заваливался спать в ожидании ясной ночи.

Даже прекрасная однокурсница Шаиста, влюблённая в Азиза, не смогла вернуть его взор на землю. Любовь между Азизом и Шаистой была обречена изначально, и они оба знали это. Азиз хотел уехать в Европу, преподавать в крупном институте или работать в обсерватории, а Шаиста не могла оставить семью. Они идеально подходили друг другу, но понимали, что откажись один от своей жизни ради другого, и он до старости будет чувствовать себя в клетке.

– Такие люди как ты, нужны здесь, в Афганистане, – говорили Азизу.

– Неправда, – раздражённо отмахивался он. – Здесь нужны учителя начальных школ, нужны строители, рабочие, фермеры, но не учёные.

– Неужели ты бросишь родных? – спрашивали его.

– Я стану высококлассным специалистом и буду отправлять им больше денег, чем оба моих брата вместе взятые.

Он был непреклонен в своем решении.

Для афганца было непросто добиться права работать в престижной обсерватории, но своей энергией, настойчивостью и терпением Азиз достиг своего. Прощание с Шаистой было тяжёлым. Они знали, что этот день наступит, но каждый из них всегда втайне надеялся, что рано или поздно сможет переубедить другого.

– Я буду приезжать, – сказал Азиз, но Шаиста только покачала головой.

– Не надо, – прошептала она, и эти слова дали ей с такой болью, словно были бритвенными лезвиями.

– Я... – Азиз хотел сказать, что он всегда будет любить её, но... не смог.

Шли годы, Афганистан сумел избежать участия во Второй мировой войне, успешно возрождая промышленность. Для Азиза тяжёлые времена сменялись удачными годами. Он был вынужден бежать от войны в Америку, много ездил по миру, но за десятилетия ни разу не нарушил своего обещания: в какую бы ситуацию он ни попадал, ежемесячно отправлял родным деньги. Он так и не женился, с головой углубившись в работу. Сколько ни искал, он не смог найти девушки, похожей на Шаисту.

В Европу Азиз вернулся уже в конце семидесятых – уважаемым опытным членом академии наук. Казалось, что мир стареет вместе с ним, постепенно успокаиваясь от потрясений и войн. Из тихой Франции противостояние сверхдержав казалось ворчанием беззубых стариков.

Но только не для Афганистана. Несчастливая маленькая страна была выбрана полем боя, и теперь ничто не могло остановить катастрофу. Азиз безуспешно писал Шаисте и родным, пытаясь любым способом вывезти их из страны. Он предлагал им купить квартиру в пригороде Парижа или в Италии, Испании. Называл красивейшие города, но родные не соглашались, а от любимой не пришло ответа, и можно было лишь догадываться, сколько боли принесли ей эти письма.

И тогда Азиз решил поехать сам.

Это было безумием – ему, немолодому уже человеку, – углубляться в раздираемую гражданской войной страну, но он преодолел все преграды, где-то шёл пешком, где-то ехал на попутках. Встреча с Шаистой была болезненной.

Им показалось, что время, остановившееся на сорок лет, вдруг задвигалось вновь. Казалось, будто они снова стоят в аэропорту, но теперь стена между ними была почти материальной. Казалось, сам воздух не пускал их друг к другу, будто они были жителями разных миров.

– Тебе не стоило приезжать, – сказала Шаиста.

– Я должен был, – Азиз не мог смотреть ей в глаза. – Я должен убедить тебя. Я должен убедить родных.

– Возвращайся обратно, – она протянула руку, прикоснулась к Азизу и чуть оттолкнула его от себя. – Ради Всевышнего... Просто уезжай.

– Нет.

Она знала, что должна ему рассказать, но не могла. Голос не слушался её, слова застревали в горле...

...На месте родного селения, где вырос Азиз, остались одни воронки от взрывов. Советская авиация.

Выживших не было.

– Уезжай, – сказала она. – И никогда не возвращайся. Ты ничего уже не сможешь сделать.

Азиз поднял горсть земли с того места, где раньше стоял его дом. Впервые в жизни он вглядывался в землю.

И тогда Шаиста впервые увидела в нём нечто новое: перед ней стоял не ученый, не астроном, не европеец. У этого человека был взгляд афганца.

– Смогу, – сказал он.

Руслан очнулся от пинка в живот, застонал и тут же рывком был поднят на ноги.

Он едва соображал, что происходит. Жутко болел простреленный навывлет бок, сыпал густой снег, завывал ветер, и какие-то люди с автоматами кричали со всех сторон на неизвестном языке.

– Дадиев! – закричал кто-то над ухом, и Руслан узнал голос Лёши: —Держись! Если ты сейчас свалишься, они тебя пристрелят!

Этот крик подействовал, и страх мгновенно отрезвил сознание Руслана. «Мы попали в засаду», – вспомнил он и тут же пересчитал людей. Шестеро его солдат-водопроводчиков, заложив руки за голову, шли куда-то под конвоем афганцев. Лёша, единственный выживший из прикрытия, держал его и кричал, что нужно следовать за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.